

А. НИКОЛАЕВ.

ИСТОРИЯ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

в рассказах и очерках для школ
с русским языком преподавания

Издание под редакцией А. Пэрка.

„Придет великий день освобождения:
„Огромный пожар охватит всю землю
„И сожжет адские ворота неволи.
„Тогда освободится дух Калевипоега
„И возвратится в свободную страну,
„Чтобы устроить счастье своих детей“.

(Из поэмы Kalevipoeg—Фр. Крейцвальда).

А. НИКОЛАЕВ.

ИСТОРИЯ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

в рассказах и очерках для школ
с русским языком преподавания

Издание под редакцией А. Парка.

„Придет великий день освобождения:
„Огромный пожар охватит всю землю
„И сожжет адские ворота неволи.
„Тогда освободится дух Калевипоега
„И возвратится в свободную страну,
„Чтобы устроить счастье своих детей.“

(Из поэмы Фр. Крейцвальда—Kalevipoeg).

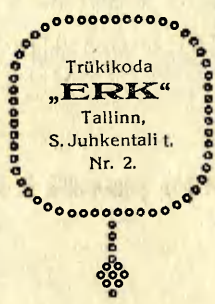
4-А

~~48510~~

ТАЛЛИН 1926.

А. В. КОЖАН

Est. A

Предисловие.

Предлагаемая в качестве учебника книга — История Эстонского народа — не выходит из рамок официальных программ по истории начальных школ с 6-тилетним курсом обучения. В форме популярно-доступных рассказов, но без всякой подделки под т. наз. „детский язык“, автор книги ставит своей задачей возможно ярче изобразить жизнь народа в его упорной борьбе за свободу и самостоятельное устройство своей судьбы. Настойчивость и напряженность этой борьбы по принципу — „помогай самому себе“ — служат прекрасным уроком для всех, кто вообще жаждет освободиться от гнета узурпаторов-насилльников.

Книга избегает — по возможности — мелких подробностей, излишества собственных имен и хронологических дат, чтобы не давать лишней пищи „для упражнения памяти“ и тем не убить интереса к предмету. Необязательные для запоминания собственные имена и хронологические даты выделяются в общем тексте скобками; они служат справочными указателями, и только. Некоторые подробности войн служат темой и для отдельных рассказов. Но эти подробности важны лишь в тех случаях, когда сам народ участвует в борьбе. Ливонская, шведско-польские и Великая Северная войны отмечаются лишь постольку, поскольку они отразились в разорении края и народа. Остальные подробности этих войн в жизни народа значения не имеют.

Фактическая сторона событий тщательно проредактирована согласно замечаниям исторической комиссии, которая рассматривала книгу в рукописи. Книга снабжена картой Прибалтийского края эпохи немецкого завоевания, но, к сожалению, лишена в настоящем издании иллюстраций и портретов исторических деятелей в интересах удешевления стоимости учебника.

Немме, 21-го июня 1926 г.

А. Николаев.

I. Угро-финская семья народовъ.

1. Прошлое Европы и Азии.

Среди кочевников Азиатских степей сохранилось интересное предание о расселении людей. Вот это предание:

„Родиной людей была глубокая и жаркая долина Алтая. Эта долина была окружена, как стенами, высокими железными горами. Но пожар расплавил железо, и люди вышли из своей тюрьмы. Одна часть людей пошла на восток, в Китай и Сибирь; другая — на запад, и заняла переднюю Азию и Европу“.

Здесь, конечно, говорится о расселении народов туранской группы.

Всякое народное предание хранит в себе частицу правды, хотя эта правда очень часто затемняется красивыми вымыслами. Надо думать, что и предание кочевников сохранило старинную быль, т. е. то, что в действительности было.

Высокие железные стены Алтайской долины-тюрьмы — это огромные ледники, остатки того ледяного потопа, который когда-то, очень давно, затопил почти всю Европу и значительную часть Северо-Западной Азии. Тогда под водой погиб богатый и цветущий мир, где росли огромные древовидные папоротники*) и иные породы деревьев жарких стран, где водились слоны-мамонты, пещерные медведи и львы.

Но шли годы, века и тысячелетия. Затонувшие страны, действием внутренних сил, постепенно стали подниматься со дна моря. На необозримых равнинах Европы и Сибири снова пробудилась жизнь. Только теперь, вместо роскошных лесов жарких стран, здесь росли одни лишь низкорослые кустарники, тощие мхи, да кой-где редкие сосны, ели и березы. С высоких горных хребтов, поднимавшихся на юго-востоке, юге и северо-западе (Скандинавия), медленно сползали гигантские ледники, как остатки ледяного потопа. Северный Ледовитый океан по прежнему дышал морозным холодом, и только ветры запада, со стороны Атлантического океана, несли в пробуждающиеся страны свою живительную теплоту.

За эти тысячелетия, пока половина древнего мира покоилась под водой и воскресала вновь, жизнь оставшихся после

*) Остатки папоротниковых лесов составляют теперь залежи каменного угля.

потопа людей продолжала развиваться в юго-восточной Азии. Население возрастало. Образовавшиеся племена и орды теснились, нередко истребляя друг друга. Одна из таких групп туранского племени была оттеснена и надолго заперта в глубоких долинах Центрально-Азиатского нагорья. Выход из этих долин был закрыт со всех сторон. С востока и юга им угрожали сильные, кроважадные соседи других групп; на севере и западе стояли неприступные железные утесы-ледники. Но время и силы природы делали свое дело. Жар солнца понемногу растопил твердые, точно железо, ледниковые скалы, и люди могли выйти из своей многовековой тюрьмы.

2. Заселение Европы угро-финским народом.

Эсты принадлежат к многочисленной семье угро-финских народов. Эта семья (Soomi-ugri) еще в незапамятные времена отделилась в Азии от других туранских народов и заселила часть Европы.

Тогда Европа уже освободилась от покрывавших ее ледников, но все еще была страной, мало пригодной для жизни людей. Огромные болота, озера и реки, по берегам которых уже шумели дремучие хвойные леса, покрывали эту страну. Климат Европы все еще был сырой и холодный. Породы лиственных деревьев встречались только в южных областях и на западе. Зато на необозримых равнинах в изобилии росли лесные ягоды северных стран, привлекая бесчисленные стаи дикой птицы. В то далекое от нас время Европа была сплошным птичьим царством, потому что болота, озера и реки тоже кишели пернатой дичью. Здесь, на свободном просторе, жили и многочисленные грызуны (зайцы, белки, бобры), и стада неприхотливых в пище жвачных (северные олени, лоси, серны, зубры). А за дичью и жвачными всюду следовали мелкие и крупные хищники (медведи, волки, рыси, дикие кабаны, лисицы, куницы и др.).

Алтайские долины стали слишком тесны для многочисленного народа. Но время и солнце, растопившее ледники, открыли этому народу свободный выход на запад в лесные и болотистые дебри обновленной Европы. Сюда шли все, кому тяжело жилось на родине, кто искал более спокойной и свободной жизни. Правда, соседство волков и медведей не обещало им полной безопасности, но угрофинны уже были подготовлены к борьбе с хищниками. Еще у себя на первоначальной родине они приобрели себе верных и надежных друзей: огонь, оружие и собаку. Собака заботливо предупреждала о приближении незваных гостей; костры огня держали зверей в почтительном отдалении; а оружие, хотя и очень несовершенное (каменный топор и копье, лук и стрелы), но в ловких и сильных руках на смерть поражало врага. С такими верными друзьями угро-финская семья спокойно и свободно расселилась на широком просторе Европейских равнин.

Безчисленные реки и озера служили самыми удобными путями в этихъ расселениях. Их высокие лесистые берега были местами временных остановок, а позднее стали местами постоянных поселков и городов. Переселенцы не испытывали больших лишений в новой стране. Охота и рыбная ловля давали им все, необходимое для жизни: и пищу, и материал для одежды и обуви, п. ч. дичь в лесах и рыба в реках и озерах не переводились. От непогод и зимних выюг они укрывались в землянках и в чумах, т. е. шалашах, снаружи и изнутри обтянутых шкурами животных.

Так жили угро-финны в Европе многие века. Они были свободны, довольны своей судьбой и не желали лучшего счастья, как сказал о них позже один римский историк (Тацит, живший в I в. по Р. X.).

3. Приход в Европу кочевников-скотоводов.

Большинство людей живет своими привычками, т. е. привычными для них занятиями и мыслями. Привычки складываются в нас с самого раннего детства. Мы привыкаем к родному дому и ко всей его обстановке, привыкаем к близким людям, к их разговорам и к их занятиям. Мало-по-малу и незаметно для самих себя все привычное для нас мы начинаем как-то особенно любить и дорожить им. Привычки детства — самые сильные и остаются в нас на всю жизнь. Этим и объясняется любовь человека к родине, к родному народу.

Неудивительно поэтому, что угро-финны, как ни бедна была их жизнь, примирились даже с лесными дебрями своей новой родины. Вся страна была населена их родичами, которые говорили их родным языком, жили в таких же землянках и чумах, так же рыбачили и охотились. Эта страна кормила и одевала их; а необъятный простор ее равнин вызывал в сердцах людей радостное чувство свободы. Новая родина стала для них дорогой и любимой матерью.

Но пришло время, и свободный народ должен был пережить неприятное испытание. Растаявшие ледники открыли выход в новую страну не одной только угро-финской семье. На протяжении тысячелетий Азия не раз еще выбрасывала из своих степей целые орды и племена, но уже не охотников, а скотоводов. Большею частью это были неродственные угро-финнам арийские народы. Со стадами мелкого и крупного скота они медленно передвигались на запад и несли с собой более совершенное оружие, сделанное из бронзы, а позднее и из железа. Придерживаясь Черноморских и Придунайских степей, эти пастухи продвигались нередко и в лесные области. Там они становились такими же охотниками, как и угро-финны, и начинали вытеснять старожилков с их насиженных мест. Сопротивление было бесполезно, потому что пришельцы обладали превосходным оружием и нападали отрядами.

4. Расселение и перемены в жизни угро-финнов.

Уступая силе соседей, угро-финны отходили на северо-восток, в область верхнего и среднего течения Волги с ее притоками и в Приуралье. В это же время, т. е. еще до Р. Х., отдельные финские племена занимают и юго-восточные берега Балтийского моря, нынешние Эстию и Латвию, а потом также и северное побережье — скалистую Финляндию. Оставшиеся на старых местах погибали в неравной борьбе или же, покоряясь, незаметно смешивались и сливались с пришельцами. Жить теперь стало гораздо тесней. Одна охота, да рыбная ловля уже не могли кормить большого населения. Волей-неволей приходилось браться за новые промыслы. С этих пор устанавливается среди финских племен оседлая земледельческая жизнь, и между соседями завязывается более живой торговый обмен.

Значительно позже (не ранее IX по Р. Х) утвердился в нынешней своей стране, по среднему Дунаю, угры, или иначе — венгры. Это был смелый, решительный и воинственный народ. Они вышли из Приуралья, как пастухи-скотоводы. На Дунае они покорили слабые славянские племена и в X в. основали царство, грозное для славян и немцев. Кроме венгров в настоящее время только эсты и собственно финны вполне сохранили свою национальность: чувство близкого между собою родства, родной язык, привычки и преданья старины. Другие финские племена подчинились сильному влиянию русских, усвоив их религию и порядки жизни. Таковы значительно обрусевшие — зыряне, карелы, ижоры, мордва, весь и др., хотя в домашней жизни они и продолжают еще говорить на своем наречии. Некоторые же племена финской народности совершенно слились с славяно-русским населением, образовав многомиллионный народ — великоруссов. От этих племен остались теперь только одни названия: меря, мурома, мещера и др.

С V—VI в. в., приблизительно, со времени великого переселения народов, финские поселки в Прибалтике начинают принимать вид городищ (городов), т. е. укреплений, обнесенных валом и частоколом. Устройство городищ вызывалось не столько опасением лесных зверей, сколько страхом перед набегами разбойничьих дружин. Эти буйные дружины составлялись из смелых и дерзких удальцов всех племен и народов. На лодках однодревках (челны) эти удальцы разъезжали по простору больших рек и их притоков, насильничая и грабя мирное население. Но с каждым годом в стране финнов, как и их соседей, росли укрепленные городища. Их население привыкло оказывать грабителям решительный отпор. Тогда изменялся и самый порядок наездов. Теперь к городищам подплывали уже не буйные ватаги разбойников, а благодушные и мирные купцы. Между берегом и городищем начинался оживленный торг и обмен товарами.

Уже в VII—VIII вв. смельчаки купцы нередко пускались в самые отдаленные плавания, доходя до Уральских гор, до Каспийского и Черного морей. Оттуда они привозили дорогие ткани, ценные камни, серебряные вещи и железное оружие. Одновременно купцы знакомили славян и финнов с жизнью отдаленных стран. При раскопках валов древних городищ там иногда находились очень ценные предметы восточного происхождения. Городищ в стране славян и финнов было такое множество, что впоследствии на Западе ее называли Гардарик, т. е. страна городов.

II. Время независимости эстов до прихода немцев.

5. Расселение эстов в Прибалтике и их хозяйственная жизнь.

В русских летописях эсты известны под именем чудь. Так русские называли финское племя, жившее между озерами Пейпус (у русских—Чудское) и берегами Финского и Рижского заливов. Западные же народы называли их *eesti*, т. е. восточный народ. Это имя осталось за ними до сих пор.

Эсты—чудь занимали северные области края, между Пейпусом и Рижским заливом. На юг от них, по берегам Рижского залива и Западной Двины, жили их соплеменники ливы (*liiv*—песок), а на запад от ливов, вдоль Балтийского моря, расселилась особая их ветвь—куры или корсь. По имени этих главных областей их поселения и получили впоследствии свои названия: *Estland*, *Lifland*, *Kurland* (или—Естляндская, Лифляндская и Курляндская губ.).

Эсты, ливы и куры были свободолюбивый народ, не желавший подчиняться господству воинственных соседей арийского племени. Судьба им пока благоприятствовала. Их страна имела сравнительно мягкий климат и была вполне пригодна для полевого хозяйства и разведения скота. В лесах, разнообразных по породам деревьев, водилось много пушных зверей и дичи, а близость моря открывала им широкий путь для сношений с другими народами.

Главным занятием эстонских племен в Прибалтике в их историческое время (VIII—XII вв.) было земледелие и скотоводство.

На землю эстонский народ смотрел, как на кормилицу-мать. Покрытый встарину лесами и болотами край с каждым годом терял свою первоначальную дикость и неприветливость. Свободный, трудолюбивый народ настойчиво рас-

чищали лесные дебри, создавая на их местах пашни и пастбища. Вырубаемый при расчистке лес не уничтожался бесполезно. Лучшие деревья шли на постройку жилищ и дворов для скота; мелкие—употреблялись на огораживание полей и выгонов. Сжигались на месте вырубок только сучья и выкорчеванные пни; их зола увеличивала плодородие почвы. Хлеб—ячмень, пшеница, овес—засевались на полях несколько лет сряду, пока не истощалась почва. Потом для полей разделялись пастбища или новые участки леса, а старые пашни отводились под выгоны и временно отдыхали. На вновь разделанной земле легко принимались и давали хороший урожай лен и горох. Овощи, как капусту, брюкву, репу, эсты разводили в особых огородах. Часть собранного хлеба и овощей они хранили в ямах, обложенных соломой и берестой и засыпанных землей. Остальные запасы держались под рукой, в небольших амбарчиках на столбах.

Главные полевые работы и перевозка тяжестей—волоком на полозьях—производилась на лошадях. В это время лошадь уже была для эстов таким же близким и незаменимым другом, как и собака, даже больше. Она служила и для верховых поездок, и для перевозки имущества вьюками; она была верным спутником эста и в его военных походах.

Разведение крупного и мелкого скота, т. е. коров, овец и свиней составляло для эстов необходимую часть их хозяйства. Уход за скотом был заботливый и внимательный. Нередко маленькие телята и ягнята, в холодное зимнее время, укрывались в одних помещениях с хозяевами. Зато этот скот, выращенный внимательным уходом, обеспечивал жизнь трудовой семьи мясом и молочными продуктами. Затем скот доставляет хозяину кожи, овчины и шерсть и дает хорошее удобрение для полей и огородов. Обделывать и дубить кожи эсты привыкли с давних пор.

Народ не забывал и старых своих занятий: — охоты и рыбной ловли. Охота на пушных зверей составляла тогда выгодный промысел. Пушные меха сбывались наезжавшим в страну иностранным купцам в обмен на соль, ткани, оружие и другие металлические изделия. Волков и медведей истребляли, как вредных хищников, причем пользовались капканами и потайными ямами с приманкой. На охоту выходили с топорами, рогадинами и луком. Рыболовством занимались только прибрежные жители заливов, озер и устьев рек. Для рыбной ловли, как и теперь, служили сети, плетенки из ивовых прутьев, невода и остроги. Эсты любили также собирать мед и воск лесных пчел, устраивавших свои ульи в дуплах деревьев. Они ели мед с хлебом, как приятное лакомство, и варили из него вкусный напиток, а излишки его и воск продавали иностранцам.

При расчистке лесов, постройке жилищ и обработке полей эсты пользовались уже железными орудиями. Топоры, пилы, долота, косы, серпы и ножи выделывались из твердого,

закаленного железа; наконечники сох, мотыг и лопаты—из более мягкого. Большую часть этих орудий выработывали сами эсты; но лучшие топоры и пилы, а также мечи и копья, привозились из Финляндии и из Скандинавии. Оттуда же эсты получали и куски необделанного железа в обмен на продукты своего хозяйства, главным образом, на хлеб. Железной руды в стране не было, поэтому народ очень дорожил и бережно обращался с железными вещами.

Из овечьей шерсти эстонские женщины крутили на ручных веретенах нитки и вязали из них рукавицы, чулки и телогрейки. Они умели также ткать на деревянных станках полотна и сукна. В этом деле эстонки достигли даже большого мастерства. Их всевозможные работы по вышивкам и вязанью были очень искусны и отличались большим разнообразием узоров *).

В своей Прибалтике эсты с давних пор строили уже более просторные, чем землянки, деревянные избы, крытые соломой или дерном. Скотный двор и иные хозяйственные постройки располагались рядом с жилыми помещениями. Вместо очага посредине, как это было в землянках, в углу избы устанавливалась печь, хотя и без трубы. Дым выходил через дверь и особое отверстие близ потолка. Такие избы называются курными; они существовали потом в деревнях очень долгое время. И теперь еще можно встретить людей, которые выросли в курных хатах. Окна в избах делались небольшие и затягивались иногда воловьим пузырем, слабо пропускавшим свет. В долгие зимние вечера семья работала при тусклом свете горящей лучины. Обстановка изб была самая простая: грубо сколоченные стол и скамьи; вдоль стен широкие лавки и кое-где небольшие полочки. На ночь семья располагалась по лавкам и на печи. Спали на сенниках, покрываясь овчинами и меховыми одеялами. Необходимая посуда,—миски, ковши, ложки,—тоже была деревянная; только горшки для варки пищи делались из обожженной глины.

Но и эта бедная обстановка избы все же была роскошью в сравнении с теснотой землянок и чумов. Народ жил свободно, тепло и сыто.

6. Верования и нравы эстов.

В наше время уже в начальных школах объясняют и даже показывают на опыте, как и отчего происходят ветер, гром и молния, как растут и питаются растения, и многое другое. Не то было в далеком от нас время. Тогда единственной школой и книгой была только окружающая человека природа. Все люди учились в этой школе и читали

*) В пределах России до последнего времени женскими рукоделиями славились Олонецкая, Тамбовская и др. губ., где коренное население составляли финские племена: олонецкие кружева (корелы), мордовские вышивки и пр.

одну „раскрытую для всех книгу природы“; но разные люди понимали и продолжают понимать ее различно. Далеким предкам эстонского народа также составляли себе понятие о жизни окружающей их природы и верили, что их понимание вполне правильно.

Предки эстов верили, что вся природа населена живыми, т. е. чувствующими и понимающими, но невидимыми существами, или духами. По их верованиям, эти духи невидимо окружали и людей, и животных, растения и камни, озера, реки, поля, леса и горы, и были их духами-покровителями (*kaitse-vaimud, haldjad*). Каждый человек поэтому, как и животное и всякий иной предмет, имел своего особого духа—покровителя. Как существа свободные, духи покровители иногда на время оставляли тех, кого опекали, и странствовали по свету. Встречаясь друг с другом и невидимо подсматривая и подслушивая, что делают и о чем говорят враждебные духи или люди и звери, эти духи могли потом оказывать своим опекаемым большие услуги: предупредить об опасности, сообщить радостное известие и т. д. В этих случаях духи являлись людям или во сне, или наяву: то в виде неясных теней, то в образе какого-нибудь животного, и знаками или словами сообщали приятные или неприятные известия. Обычно духи покровители обитали в домах людей или около них, принимая вид животных: змей, мышей, кузнечиков и т. п. Такими духами покровителями нередко становились и души наиболее уважаемых умерших предков.

Души людей, конечно, не одинаковы по своим способностям и силам. Точно так же неодинаковой силой обладали и духи, покровители людей, животных или иных предметов и явлений природы. Мало-по-малу предки эстов, как и другие народы угро-финской семьи, стали выделять могущественных духов, называя их общим именем юмала (*jumala*), т. е. божество. Таких могущественных духов-богов (юмала), по верованиям древних эстов, было много. Каждый из них управлял своей областью (стихией): небом, водным пространством, подземными силами, лесами, горами и т. д. Но все вместе эти боги составляли один сонм-богов (вроде семьи), и старшим среди них считался Тара (*Taara*). Его иначе называют Уко (*Uko*) и Ванайза (*Vanaisa*), т. е. дедушка, отец всех.

Дедушка Тара—это властитель неба и земли. Он обитает в золотых чертогах, в небесном пространстве над облаками. Тара—божество доброе, но страшное в своем гневе. Это он своей грозой (*kõue*) наводит ужас на непослушных и дурных людей; это он огненными стрелами-молнией (*pikker*) поражает злых духов (*paharett*), принуждая их прятаться в пещерах, под камнями и в водных глубинах. Но гнев Тары непродолжителен: черные тучи гнева сходят с его лица; он уже улыбается земле и людям, и вместе с яркими и горячими лучами солнца шлет на землю свою благодущную ласку. И все кругом

начинает оживать и радоваться: зеленеют и цветут леса, луга и пашни, зреют и тучнеют зерна на нивах, овощи и плоды в огородах и стада в полях.

В чертогах Тары имела свое пребывание и необыкновенно дивная пара служебных ему духов. Это были Койт и Эмарик (Koit ja Namarik),—вечерняя и утренняя заря. Вечно юные, вечно прекрасные и пылающие взаимной нежной любовью, они целый год однакоже не могут видеть друг друга. Оба они несут службу в чертогах дедушки Тары: Койт по утрам зажигает небесную лампаду, т. е. солнце, а Эмарик гасит ее по вечерам. И только раз в году, когда вечерняя заря встречается с утренней (летом— в Ивановскую ночь), эти прекрасные, целомудренные духи пылающими шеками прикасаются друг к другу, и уста их сливаются в коротком поцелуе.

Близким помощником дедушки Тары был молодой бог Ильмарине (Ilmarine), бог художник, строитель. Это он украсил небесные чертоги дедушки яркими светилami и дивно мерцающими звездами. Надземная воздушная область находится под его управлением. Он же покровительствует и строительному делу людей, направляя их полезные искусства. Другой молодой и подчиненный дедушке бог Ванэмуине (Vanemuine); он заведует водными пространствами. Этот бог услаждает свой слух и пением бурь, и плеском морских волн, и шумом водопадов, и журчаньем ручейков. Он и сам, наконец, поет дивные песни и наигрывает на своих чудесных гусях чарующие мелодии (переливы звуков). Ванэмуине впоследствии стал для эстов божеством пения, поэзии, музыкального искусства вообще.

Над подземным царством господствовал суровый и неумолимый бог Тони (Tooni). Души умерших людей, после погребения их тел, заключались в царстве этого бога — в Тонеле (Toonela), где Тони и подчиненные ему духи зорко сторожили своих пленников. Подземная жизнь умерших была лишена каких бы то ни было радостей. Лучшим счастьем для них были те дни (напр. зимний праздник душ, в ноябре), когда Тони на несколько дней освобождал своих заключенных. В эти дни души умерших могли жить на земле со своими родными, пользуясь их обильным угощением. Поминки покойников и их угощение совершались в разных местах: или дома, или на месте погребения, т. е. на могильных курганах (kalm), или в священных рощах (hiela). Большую радость доставляли душам умерших и всякие иные дни, когда их родные и друзья приходили на дорогие им могилы и приносили покойникам посильные свои дары. И предки эстов глубоко верили, что духи, покровители умерших, становились особенно благосклонными к тем родственникам и друзьям покойных, которые заботливо и внимательно относились к их памяти.

Все эти боги, как и души умерших предков и разные духи покровители, могли быть и полезны, и вредны людям. Но жерт-

вами, мольбами и обещаниями их можно было задобрить и расположить в свою пользу. Главным своим богам предки эстов посвящали в лесах особые дубравы (рощи). Эти места считались священными и были тщательно огорожены; в них строго запрещалось ломать и рубить деревья и даже собирать ягоды. Каждый поселок и каждая родовая волость имели свою особую посвященную богам рощу с священным деревом и жертвенным при нем камнем. Такие же жертвенные камни устанавливались и каждой отдельной семьей где-нибудь в укромном местечке двора или сада, среди деревьев. Здесь, при известных мольбах и обращениях к духам предков, или иными невидимым силам, приносились им жертвы в виде разных хозяйственных запасов: мяса, дичи, хлеба, меда и пр. (Жертва — от слова жратва, т. е. еда). Эти моления и жертвы обычно совершали старшие в семье: дед, отец или старший из братьев.

В честь своих богов и духов—покровителей предки эстов с давних пор установили особые праздничные дни. Главные праздники были установлены в честь дедушки Тары и его благодетельной лампы—солнца. Наблюдая за движением солнца, эсты замечали большие перемены в природе, которые происходили при различных его положениях на небе (смена зеленеющей весны знойным летом, затем — щедрая осень и суровая зима). И эсты праздновали дни солнцестояния, когда день бывает равен ночи: наступление цветущей весны (около 25 марта) и приход богатой своими дарами осени (ок. Михайлова дня, 29 сентября). Еще торжественней праздновали эсты дни солнечных поворотов: с лета на осень (Иванов день — 24 июня), когда земля, под действием жгучих лучей небесной лампы—солнца, усиленно готовит земледельцу свои богатые дары, и—с зимы на весну („рождение солнца“, ок. 25 декабря), когда лампа дедушки Тары начинает гореть ярче и с каждым днем все выше и выше поднимается на небо.

В такие праздничные дни эсты совершали уже общественные богослужения и жертвоприношения. В весенние, летние и осенние праздники жители волостей или округов обычно собирались у своих священных дубрав. Там же разводились костры, и в общественных котлах варилось жертвенное мясо какого-нибудь домашнего животного, и праздничное угощение для собравшихся. (Для этого угощения каждая семья приносила с собой известный запас съестных продуктов). Богослужение и жертвоприношение совершали наиболее уважаемые старцы, по выбору всей волости, а также и волхвы (tagad), т. е. любимые духами-покровителями мудрые люди. Эти волхвы и старцы произносили мольбы и заклинания к богам и духам, затем с особыми обрядами и песнопениями отрезали от сваренного жертвенного мяса лучшие куски и уносили их в священную рощу. Там, продолжая свои таинственные заклинания и песнопения, жрецы сжигали на жертвенном камне это общественное приношение—жертву. Народ слушал мольбы своих жрецов и благоговейно повторял про себя слова молений.

После жертвоприношения богам начиналась общая трапеза (угощение) всех собравшихся, при чем каждый получал кусочек мяса от жертвенного животного.

Боги и духи покровители невидимо присутствовали на этих празднествах. Иногда в священных рощах ставились и изображения богов, сделанные из дерева или камня; но большею частью видимым знаком божества считалось какое-нибудь вековое дерево в роще. В дни праздников эти священные деревья украшались лентами, поясами, полотенцами, венками и т. под., и под ними совершались моления и жертвоприношения.

Особенно радостно праздновался летний поворот солнца, Иванов день, когда на холмах всю ночь пылали яркие костры и до утра не прекращались игры, хороводы и пляски молодежи. Праздник рождения солнца также проводился очень торжественно; но жертвоприношения и общее угощение совершалось не в рощах, а в жилых домах.

Жизнь эстонского народа проходила в полном согласии с их верованиями. Боги и духи были благосклонны к людям, если им оказывалось должное внимание и почтение; поэтому и добрые семейные и соседские отношения держались на том же внимании и уважении друг к другу. Такой порядок нравился всем и составлял твердые привычки, или „н р а в ы“ людей.

Отец в семье эстов был главным распорядителем всего хозяйства. Жена, дети и внуки должны были беспрекословно исполнять все его распоряжения. По смерти отца его место заступал старший сын; к нему переходили и отцовская власть и все заботы по управлению хозяйством. В те далекие времена женщина в эстонской семье еще не имела большой самостоятельности, особенно до замужества. Судьбу дочерей, т. е. их брачную жизнь, обычно решали полюбовным соглашением родителей жениха и невесты. При этом девушек-невест иногда и не спрашивали об их согласии. Да и молодые люди в деле женитьбы чаще всего подчинялись воле родителей или старших членов семьи.

В сельско-хозяйственной жизни, как известно, всякий лишний работник увеличивает благосостояние семьи, и девушки работницы ценятся тогда очень высоко. Поэтому среди эстов, как и среди других финских племен, с давних пор установился о б ы ч а й в ы к у п а т ь н е в е с т у *), т. е. делать ее родителям условленный подарок. Эти дары родителям девушки, или ее родным, обычно подносил сам жених, выражая, таким образом, и благодарность за воспитание невесты, и вознаграждение за уходившую из дома работницу. Но иногда цена выкупа назначалась непосильно высокой для жениха, или же родные девушки вообще не соглашались выдавать за него свою кровную. В этих случаях огорченный жених нередко обходил обычай и тайно увозил невесту, заручившись чаще всего ее

*) Обычай выкупа невест вообще был очень распространен среди земледельческих и пастушеских народов.

согласием. Такие похищения не признавались тогда за преступления и даже считались особым молодечеством. Но, как бы ни закончилось супружество, отношения между мужем и женой, между родителями и детьми, братьями и сестрами отличались глубокой и прочной привязанностью.

Предки эстов вообще славилась правдивостью, верностью слову, добродушием и упорным трудолюбием. Случаи резкой вражды и крупных ссор с соседями родственной им финской семьи были крайне редки. К путникам и чужестранцам эсты относились предупредительно и участливо. Только с врагами, посягавшими на их свободу, на их имущества и земли, предки эстов были беспощадно жестоки.

9. Порядки общественной жизни и защита страны.

Заняв Прибалтику еще в древнейшую пору, эсты широко и свободно расселились там небольшими семьями. С течением времени семьи разрастались. Братья, родные и двоюродные, росли в привычках строгого подчинения воле старших. По смерти родителей они нередко продолжали жить вместе в одном дворе, соображая на дедовском наследстве. Только недостаток удобной для пашен земли принуждал их расходиться. Новые усадьбы и поселки чаще всего устраивались невдалеке от родного гнезда. Туда по обычаю переходили старшие братья, как более опытные хозяева. При выходе они получали справедливую часть из родового дедовского наследства. С годами новые и старые семьи разрастались; тогда опять выделялся излишек родичей на новые хутора. Так постепенно из одной семьи выросал целый род близких и дальних родственников.

При дальнейших расселениях неизбежно происходило близкое соседство и смешение отдельных семей, принадлежавших к различным родам. Соседская жизнь и смешение сближали людей, приводя их к согласному сожительству друг с другом. Таким образом, отдельные родовые семьи незаметно составляли новый союз—племя. Народ одного племени, продолжая жить в постоянной близости, начинал говорить одним наречием, вел свои хозяйства по одному образцу, усваивал одинаковые обычаи, предания и верования.

Уже к концу X века разросшиеся родовые семьи эстов образовали несколько племенных групп. Их владения составляли отдельные округа-земли и назывались ма (maa). Таким образом, северные эсты — чудь образовали Харьюма, Ярвама, Вирума (Harjuma, Järvamaa, Virumaa), западные эсты дали Саrema, Роталья и Зонтагана (Saaremaa, Rotalja и Sontagana), южные эсты составили округа Сакала и Уганди (Sakala и Ugandi). Каждая из этих племенных групп имела один или несколько хорошо укрепленных городов, или maalinn. В свою очередь племенная земля—округ распадалась на волости (kihelkond) или владения отдельных родовых семей. Каждая родовая волость обычно имела свой родовой — linn.

В то далекое время эсты еще не составляли одного государства; каждая родовая волость жила и управлялась самостоятельно. Дружным и упорным трудом семья-род увеличивала свое благосостояние; сама же родовая семья и защищалась в случае обид или притеснений со стороны соседей. Чем многочисленнее была родовая волость и чем прочнее был укреплен ее родовой линн, тем спокойнее чувствовали себя хозяева-родичи. Тогда благополучие отдельного человека зависело только от согласной работы всей его родовой семьи. Здесь каждый работал в общем для всех хозяйстве и мог выполнять всякое дело по указанию старших. Такие порядки были привычны и дороги народу. Старший в роде был и главным судьей своих родичей, и правителем волости, и жрецом-заклинателем перед богами и душами предков.

Племенные союзы родов в мирное время не имели большого значения. Изредка совет родовых старшин улаживал споры о границах родовых владений и разбирал кой-какие обиды между соседними родами. Племена выступали, как дружная и сплоченная сила, только в случаях опасностей войны, при нападениях со стороны разбойничьих дружин или враждебных народов. Эти нападения угрожали благополучию и спокойствию всех; поэтому защита страны становилась общим делом всего племени и даже всего народа.

Известие об опасности быстро облетало волости и округа: по стране рассылались гонцы с тревожными военно-призывными рожками. Население угрожаемых мест спешило к своим городам, вывозя туда более ценное имущество. Скот угонялся в чащи лесов или на острова среди болот. Стариков, женщин и детей оставляли в городах под охраной вооруженного отряда. Остальное мужское население спешно направлялось в главные города округов. Там провозглашался начальник соединенных сил земли. Таким вождем обычно являлся какой-нибудь старшина уже испытанной храбрости, известный своею решительностью, распорядительностью и опытностью в военном деле. Ему предоставлялась огромная власть над войском и округом, вроде власти князя. Все другие родовые старшины должны были подчиняться его распоряжениям.

Тут же составлялись и отряды войска по способу их вооружения: стрелки с луками, конные копейщики с копьями и рогатинами, силачи с тяжеловесными палицами. Мечи, топоры, ножи и деревянные щиты были почти у каждого. С таким вооружением и под начальством опытных вождей, эсты шли на врага, прибегая по мере нужды и к военным хитростям: к обходам, засадам и к притворному бегству. Защищая свою свободу и страну, эстонский народ нередко выдерживал борьбу с врагом, во много раз сильнеешим. В случае неуспеха эсты временно смирялись, но втайне собирали новые силы для более решительного отпора. При поражении врага они обычно вторгались в неприятельские земли и производили там страшные

опустошения: сжигали дома, грабили и уничтожали имущество, угоняли скот: мужчин избивали, а женщин и детей брали в плен.

По окончании счастливого похода добыча справедливо распределялась между родовыми волостями. Пострадавшие семьи получали, конечно, наибольшую часть. Пленные обменивались потом или возвращались за выкуп. А вождь-победитель снова теперь становился только членом своей общины и старшиной рода.

Города в старину служили населению, главным образом, местами убежищ во время неприятельских вторжений. Для городов выбирались природные высоты по берегам рек, озер или среди болот. Пространство холма, от 20-ти до 70-ти сажен в поперечнике, обносилось земляным или каменным валом. Сверху этот вал огораживался бревенчатым забором с заостренными концами. Таким образом высота городских стен достигала иногда 5—7 саж. Город с валом, сверх того, окружался глубоким рвом, нередко заполненным водою. Для въезда в город устраивались ворота. Через ров к воротам перекидывался мост; при нападении неприятеля этот мост уничтожался. Внутри города выкапывался глубокий колодец. Небольшие домики, крытые дерном, располагались вдоль вала. Там же помещались склады для продовольствия и ценного имущества.

Взять приступом такой город было почти невозможно. Пороху люди тогда еще не знали, а с одними топорами, палицами и лесницами даже ночные наступления были слишком опасны. Осажденные сбрасывали сверху камни и бревна, обливали нападающих кипятком и горячей смолой, скатывали зажженные колеса. Защитники города могли держаться очень долго, пока доставало продовольствия и запасов обороны.

В X—XI веках в стране эстов было до 150 городов: в северных округах — до 40; в южных — свыше 100.

8. Первые столкновения эстов с соседями.

Мемду эстами и их соседями, народами арийской группы, довольно рано начались враждебные столкновения.

На юго-западе от них жили литовцы. Их племя летты, или латыши, постоянно ссорились с эстами Уганди из-за границ. На востоке, за Чудским озером, утвердилось племя новгородских славян. Новгородцы обложили данью подвластные им финские племена (водь, весь, меря) и намеревались подчинить себе и чудь, т. е. эстов. Но эти попытки новгородцев встретили со стороны чуди самый решительный и дружный отпор. На северо-западе, за Балтийским морем, жили беспокойные и жадные до завоеваний и грабежей норманны, или северные люди: даны (датчане) в Ютландии и свевы (шведы) в Скандинавии. Эти два народа и были первыми учи-

телями эстов в деле судостроения, мореплавания и морских разбоев.

Морские набеги норманских дружин стали беспокоить прибрежных эстов уже вскоре после расселения их в крае. Эти разбойничьи дружины северных людей начали составляться очень давно, еще до V—VI вв. В то время Север Европы представлял еще собою дикие и бесплодные лесные дебри. Жить и кормиться своим трудом большому населению там было трудно. Волей-неволей приходилось обращаться к промыслам на стороне. Наиболее выгодным, хотя и опасным промыслом считалась тогда война, т. е. вооруженное нападение на мирных жителей чужих стран. К этому занятию и перешли все те, кто не мог или не желал приспособиться к мирному труду.

Эсты одни из первых стали страдать от набегов этих норманских морских королей или викингов. Их дружины состояли из отчаянных людей, которых не страшили ни морские бури, ни кровавые схватки. Зато при удаче они обогащались огромной добычей, собранной с побежденных в виде единовременного выкупа или постоянной дани. Дурные примеры всегда заразительны. Эсты побережья, главным образом, островитяне, вскоре научились строить большие, по образцу норманских, морские лодки, и тоже начали пускаться в далекие и опасные предприятия. К этим морским походам их побуждало вначале чувство мести за разорение их страны. Но понемногу они и сами увлеклись разбойничьими подвигами.

В старинных норвежских и датских сказаниях и летописях сохранился целый ряд известий как о набегам викингов в страну эстов, так равно и о подвигах эстонских моряков. Незадолго, например, до прихода немцев в страну ливов (в 1170 г.) бережные дружины эстов завладели островом Эланд близ берегов Швеции. Отсюда они производили опустошительные набеги на мирных жителей побережья. Окруженные однажды превосходными силами короля Вольдемара I, эсты должны были выдержать продолжительную осаду. Их лагерь наскоро был устроен из неприятельских лодок. Отсиживаясь в этом лагере и отражая яростные атаки врагов, храбрецы громко смеялись и пели, воодушевляя друг друга на смертный подвиг. И только немногие из этих смельчаков вернулись потом домой.

Благодаря единодушию населения и морским подвигам островитян, ни шведы, ни датчане не могли утвердиться надолго в стране эстов. В XI в., при Кануте Великом, датчане завладели было всей северной частью Эстии. Но эсты вскоре же избавились от этого чуждого владычества. Не менее упорную борьбу выдерживал эстонский народ за свою независимость и на юго-восточных границах.

Во 2-й половине IX в. северо-восточные племена славян были покорены норманскими дружинами варяго-русов и образовали сильное Русское государство. Уже в конце

Х в. князь Владимир Святой наложил дань на округ Уганди. Сын его, Ярослав Мудрый, построил даже в 1030 г. на берегу Эмбаха свой город Юрьев. Правда, эсты вскоре прогнали русских и разрушили их город, но борьба не прекратилась. Русские князья не раз еще приходили в страну, брали с населения дань и страшно разоряли край. В свою очередь эсты не оставались в долгу. После удачных побед над русскими, они вторгались в княжеские земли и жестоко вымещали на мирном населении свое раздражение против князей-завоевателей. За время этой борьбы эсты два раза подходили к Пскову и осаждали его (в 1061 и 1177 г.), но взять сильной крепости они не могли.

Все эти столкновения с соседями имели для эстов свои выгодные стороны. Народ понемногу знакомился с жизнью других стран и народов, втягивался с ними в торговый обмен и брал от них полезные для себя заимствования. На острове Готланд (в гор. Висби) еще в XI в. образовались торговые конторы и склады шведских и немецких купцов, вступивших в торговый договор с Новгородом. Мало-по-малу и эсты сделались поставщиками своих товаров на остр. Готланд, получая в обмен соль, сукно и металлические изделия. С этих пор города эстов начинают служить не только укрепленными убежищами на случай войны, но и складочными местами для товаров.

9. История народа в песнях и сказаньях старины. (Kalevipoeg).

В песнях и преданьях старины память народа надолго сохранила выдающиеся события из своей прошлой жизни. Народные песни складываются и поются только тогда, когда тоскует душа или сердце рвется от радости. В песне всякое слово имеет свое значение. Стоит лишь выкинуть из нея или подменить хоть одно слово, как уже нарушается смысл песни. А смысл народных песен всегда прост и ясен. В них изливаются печали и радости женской души, изображаются тревоги и удовольствия молодецкой жизни, выражаются горечь забот или торжество побед всего народа в его борьбе за свободу и спокойствие родной страны.

В сказаньях старины, передаваемых из уст в уста от одного поколения к другому, изображаются те же тревоги и радости народной жизни. Но старинные песни сохранились во всей их первоначальной чистоте, тогда как сказанья дошли до нас в свободной передаче рассказчиков и переполнены всевозможными иносказаниями. Старинные былины, изображая геройскую борьбу народа за свое счастье, очень часто бросают злые упреки тем, чья трусость или своекорыстие вредили делу борьбы и доводили народ до тяжелых бедствий. Все эти темные силы среди самого народа, так

назыв. кудесники, были сильными людьми; поэтому былины приходилось рассказывать иносказательно, чтоб не раздражать этих людей: кто мог понять, тот понимал и без лишних слов.

Эстонский поэт, Фр. Крейцвальд, собрал в свое время множество песен и сказаний старины о жизни своего народа. Потом он составил из них целую поэму под названием Калевипоэг (Kalevipoeg). Эта поэма как бы воскрешает перед нами всю минувшую жизнь далеких предков эстонского народа — со всеми их верованиями, привычками, с их житейскими заботами, тревогами и радостями. В то же время она изображает долгую и упорную борьбу народа со всевозможными злыми и темными силами, т. е. с врагами своей страны и своей свободы. Поэт целиком сохранил в своей поэме иносказательный и образный язык былин. Но для учебной книги по истории народа важен не язык поэмы, а ее содержание и смысл.

Калевипоэг — это эстонский народ в лице лучших его детей. Отец героя-народа, Калев, на могучих крыльях орла прилетает из холодных северных стран на побережье залива, где живет прекрасная Линда. Линда — это родина-мать всех эстов, — Эстония. Калев женится на прекрасной девушке и становится счастливым отцом нескольких сыновей. Калевипоэг появляется на свет уже после смерти отца. Его старшие братья один за другим расселяются по стране. С этого времени морские короли норманнов начинают „сватать“ вдову-мать, т. е. нападать на побережье, чтобы поработить страну. Но прекрасная Линда оказывает хищникам должный отпор. Тогда с берегов Финляндии являются, в лицъ злого кудесника, новые разбойники и силой хотят похитить вдову. Но по воле богов родина-мать Линда, обращается в камень, в безлюдную пустыню. Калевипоэг выступает мстителем за опустошенную разбойниками родину. По следам хищников он отправляется в страну родственных ему финнов. Там после долгих поисков он встречает злейших своих врагов. Чародеи поднимают страшную снежную вьюгу, но Калевипоэг тяжело-весной дубиной все же избивает этих хищников.

Среди мирного финского населения герой встречает самый радушный прием. Финны, мастера кузнечного дела, снабжают его прекрасным оружием, мечем редкой прочности, способным рубить куски железа. Но герой, опьяненный недавним успехом борьбы с разбойниками, злоупотребляет подаренным ему оружием. После дружеской пирушки в родственной финской стране, Калевипоэг убивает этим мечем одного из сыновей гостеприимных хозяев. Финны не мстят несчастному герою, а только с заклятием предупреждают, что подаренный ему меч не любит горячих неразумных рук и сам отомстит за невинно пролитую братскую кровь.

По возвращении домой Калевипоэг берет в руки бразды правления и с жаром принимается за хозяйственную работу в стране. Разделяются новые пашни, засѣваются поля, разво-

дится скот. Работают все, потому что эсты—народ трудолюбивый, земледельческий и среди них нет ни баронов, ни дворян-дружинников. Но недолго продолжается мирная хозяйственная жизнь народа. Приходят новые враги, и Калевипоэг спешит строить города-убежища для женщин, детей и стариков. За это время он переживает большие неприятности. Свои же „темные силы“, в лице своих кудесников, вредят ему на каждом шагу в его заботах по защите страны. Герой сзывает молодых эстов на борьбу с врагами; кудесники подсылают к нему девушек-невест с плачем о потерянных кольцах. И слезы невест обрушиваются на голову героя, точно каменные жернова. Тут же под ногами вертятся жалкие карлики, эти вечные прислужники „темных сил“, распуская всякие вздорные слухи. Кудесники похищают, наконец, драгоценный меч героя и бросают его на дно глубокой реки. Но Калевипоэг побеждает всех врагов, перебив сначала кудесников своей страны. Гибнут при этом и ничтожные карлики, хотя и случайно, от ударов своих же господ-кудесников. Благоклонные к герою духи предков помогают ему в этой борьбе: являясь, наконец, в образе ежа, они во-время подают герою добрый совет.

Под их покровительством Калевипоэг пробует даже разрушить самое гнездо темных сил. Он дважды спускается в их „ад“ и в единоборстве побеждает самого сатану. Могучим ударом своего кулака герой в первый раз загоняет сатану в глубь земли; а во второй раз приковывает его к адской стене. В этой борьбе с отцом всех темных сил Калевипоэг выходит победителем только с помощью благожелательных предков. Их дух, в лице прекрасной девушки, заключенной в аду, знакомит героя со свойствами адских жидкостей—силы и слабости. Жидкость силы—черная, как смола; жидкость слабости—белая, как молоко. Герой смачивает свои руки черною жидкостью силы и сокрушает сатану. Из этой преисподней темных сил Калевипоэг возвращается с несметными богатствами.

В промежутке двух встреч с сатаной Калевипоэг пускается в далекое плавание—искать конец света. В это время герой узнает много нового, необычайного. Он узнает, например, что в холодной, пустынной Лапландии целые месяцы длится беспросветная ночь; что среди плавающих в холодном океане ледяных гор вспыхивает яркая игра северного сияния, игра невидимых духов, потрясающих в воздухе серебряными мечами и золотыми щитами; что в далекой Исландии неведомые силы выбрасывают из земли фонтаны горячей воды с клубами дыма (пара); что, наконец, еще дальше живут люди с собачьими телами (эскимосы в их одежде). Конца света Калевипоэг не находит; зато любознательный ум его обогащается многими сведениями.

Теперь наступают семь лет мирной и спокойной работы. За эти годы Калевипоэг сооружает на могильном холме своего

отца сильную крепость (Вышгород в Ревеле). Эту крепость он называет в честь матери Линданиса. Затем начинается новая борьба с врагами. Калевипоэг снова совершает геройские подвиги, поражая и датчан, и шведов, и русских. Но бывает невозможное и для богатырских сил. Из-за моря приходят новые враги, с головы до ног закованные в железо и сталь. Мечи и копья эстов ломаются об их стальные доспехи. В неравной борьбе гибнут лучшие силы народа. Наступает конец свободному царствованию Калевипоэга, конец независимой жизни эстов. Победу торжествуют немецкие рыцари.

С тоской в душе и глубоким отчаянием в сердце скитается герой среди лесов и болот своей страны, не находя ни поддержки, ни утешения. Наконец, исполняется предупреждение родичей-финнов: собственный меч Калевипоэга по колени отрывает обе ноги несчастному. Это был тот самый финский меч, который похитили у героя свои же кудесники и бросили в реку. Ее то и переходил вброд скиталец, когда нечаянно угодил обеими ногами под острие меча. Герой истекает кровью, а его душа предстает перед богами. Но боги милосердны к падшим героям. Они возвращают дух страдальца в его тело и поручают ему охранять ворота ада, где томится скованный самим героем сатана.

Посаженный богами на коня (боги не вернули ему ног), Калевипоэг спускается в преисподнюю. Его раздражение против всех „темных сил“ так велико, что он не имеет сил сдержать себя. Со страшной силой ударяет герой своим могучим кулаком в адские ворота и пробивает в них дыру. Зато в пробитых воротах ада застревает и его богатырская рука. Вдвойне наказанный герой остается пригвожденным к аду и надолго западается терпением. Но душа страдальца глубоко верит, что наступит день освобождения. Добрые духи открыли перед ним завесу будущего. Он видит вдали веков огромный пожар, охвативший всю землю. Благодетельное пламя этого пожара, наконец, сжигает адские ворота рабства. И он, Калевипоэг—народ, свободный, возвращается к жизни в родной стране и свободно устраивает счастье своих детей.

Таков смысл поэмы, переведенный на общепонятный язык. Калевипоэг — не весь народ, а только лучшие его сыны. Боги недаром поручили им даже в рабстве стеречь ворота ада, этого гнезда всякого зла. И сыны эстонского народа честно выполнили свой долг: они сохранили свои былины, свою горячую веру в лучшее счастье и привели своих братьев к свободному устройению своей судьбы.

III. Борьба эстов с немцами за независимость.

10. Появление немцев в Прибалтике.

Немцы, т. е. германцы, стали появляться на побережье Эстии не ранее XII столетия. Это были мирные купцы с остр. Готланда. Правда, в самой стране эстов немцы показывались редко; эсты, втянутые готландскими купцами в торговый обмен, сами подвозили свои товары в прибрежные пункты. Но соседняя с Эстонией страна ливов хорошо стала известна немцам со второй половины XII столетия, благодаря водному торговому пути по Зап. Двине.

С тех пор, как германцы осели в Западной Европе и образовали там целый ряд крупных и мелких государств, они стали стремиться расширить свои владения за счет восточных соседей. Тогда (VIII — IX столетия) всю среднюю Европу — от Вислы до Эльбы и от Балтийского моря до Адриатического — заселяли славянские народы. На них то и обрушились жадные до завоеваний германцы. На протяжении X—XII столетий им удалось уничтожить или онемечить целые славянские племена, жившие в четырехугольнике — между Эльбой и Одером и побережьем Балтийского моря. Немцы истребляли славян с бесчеловечной жестокостью: на них охотились в лесах, как на диких зверей; схваченных мужчин тут же вешали на деревьях. Зато на землях уничтоженных славян немцы создали свое могущественное княжество — Бранденбург. Но среди юго-западных славян и венгров, которые в то время уже образовали довольно сильные государства, немцы вели себя иначе: они направляли туда своих купцов и миссионеров-проповедников, устраивали браки своих детей со знатными чехами, хорватами и венграми, и таким способом подготавливали захват и их земель в свои руки (что и произошло лет 300—400 спустя).

Движение немцев на восток („Drang nach Osten“) не прекращалось никогда *). Построенный ими в стране славян-бодричей, частью истребленных — частью онемеченных, приморский город Любек (в 1143 г.) вскоре захватил в свои руки всю торговлю на Балтийском море. Торговые конторы и склады на о. Готланде также перешли в их руки. После этого они начали вытеснять с Готланда русских новгородских купцов, чтобы уж никто не мешал им пользоваться выгодами торговли на Балтийском море. Новгородцы не остались в долгу и запретили немцам проезд в русские города через свою землю. Не желая делать Новгороду никаких уступок, немцы стали искать других торговых путей в страну русских. Наиболее удобной дорогой в старинные русские города (Полоцк, Смоленск) оказа-

*) Обо всем этом подробно рассказывает их же немецкий историк Серафим.

лась река Зап. Двина. Немецкие купцы и воспользовались этой дорогой, втянув попутно в меновую торговлю коренное население по нижней Двине, т. е. ливов. Эта торговля доставляла большие выгоды для обеих сторон: ливы получали от немцев—соль, металлические вещи, ножи и проч. оружие, а немцы выгодно обменивали все это на меха, воск, мед, лен, кожи и сало.

Но немцы не могли считать прочным свое положение в стране ливов. Этот край в то время уже находился под влиянием русских. Русские полоцкие князья очень дорожили водной дорогой по Зап. Двине, удобной для их сношений с Западом. Они уже привыкли считать этот край себе подвластным и обложили ливов, в знак покорности, легкой данью. И ливы, повидимому, не тяготились зависимостью от полоцких князей: русские не вмешивались в их жизнь, не навязывали им своей веры и не нарушали их дедовских обычаев. Однако же немцы постарались с своей стороны сделать все, чтобы ослабить влияние русских и упрочить свое положение среди ливов. Междоусобия в семье русских князей оказали немцам большие услуги в этом их предприятии.

11. Миссионерская работа Мейнгарда среди ливов.

Страной ливов заинтересовался и бременский архиепископ. Узнав из разговоров с купцами о слабой зависимости ливов от русских, он решил подчинить их страну немецкому владычеству — путем обращения язычников в христианство. По соглашению с купцами архиепископ назначает туда главным миссионером иеромонаха Мейнгарда, который, вероятно, бывал в этом крае еще и раньше. Мейнгард был человек недалекий, но хитрый и предприимчивый. Почетное назначение пришлось ему по душе, и он был уверен в успехе принятого на себя дела. В 1185 г., с двумя-тремя помощниками, он отправляется на купеческом корабле к устью Зап. Двины.

Мейнгард останавливается в ливском селении Икскуль, в нижнем течении Двины, где имели свою обычную стоянку немецкие купцы. Затем, с разрешения полоцких князей, он приступает к своей миссионерской работе. Нанятые им ливы строят близ Икскуля маленькую деревянную церковь, а сам проповедник беседует с икскульцами о важности и спасительности христианского крещения. Многого из того, о чем говорил миссионер, ливы, конечно, не понимали; но так как этот убеленный сединами и приветливый иноземец обещал крещением кой-какие земные и загробные выгоды, то некоторые из них приняли обряд крещения и стали посещать богослужения в церкви. Однако, мирные отношения между ливами и миссионером продолжались очень недолго.

В первую же зиму, как монахи поселились в ливской стране, на ливов напали их соседи—литовцы. Икскуль и другие сосед-

ние селения были разграблены. Мейнгард воспользовался этим обстоятельством и предложил ливам построить город-крепость на случай новых нападений со стороны соседей. Иксюльцы выразили на это свое согласие. Тогда Мейнгард вызвал с о. Готланда немецких мастеров, которые с помощью ливов и обнесли наиболее высокую часть поселка высокими, скрепленными известью каменными стенами. Эти же мастера построили внутри крепости и каменную церковь. После этого Мейнгард заявил иксюльцам, что пятая часть крепости принадлежит ему, так как он затратил на постройку много денег. Теперь только поняли хитрость почтенного миссионера крещенные им ливы. В негодовании поспешили они отречься от новой веры; некоторые из них даже погружались в воды Двины, чтобы смыть с себя крещение.

Тем не менее бременский архиепископ назначил Мейнгарда епископом новообращенной страны (в 1186 г.). Епископ Мейнгард теперь оставил Иксюль и перешел в другое ливское селение—Хольм. Здесь он также начал убеждать жителей принять крещение, и за это обещал им выстроить каменную крепость. Хольмские ливы однако же поняли его намерение и очень зло подшутили над епископом. Они выразили полную готовность креститься и просили Мейнгарда поскорее приступить к постройке крепости. В подтверждение общей готовности сделаться христианами, шестеро хольмцев немедленно же приняли от епископа крещение. Мейнгард был очень доволен и не жалел денег на расходы по постройке. Крепость, наконец, была готова, но вместе с постройкою окончилась и радость миссионера: на его глазах шестеро крещенных им ливов вошли в Двину и стали смывать с себя крещение. Остальные же хольмцы, благовоременно вооружившись, потребовали, чтобы Мейнгард со своими помощниками немедленно оставил их селение.

Огорченный епископ думал совсем уже уехать из страны ливов. Он отправился к немецким купцам, чтобы условиться с ними о дне отъезда. Теперь, в свою очередь, заволновались и хольмцы, и иксюльцы. Они не без основания опасались, что обиды, причиненные ими Мейнгарду, не пройдут для них даром. Чтобы оттянуть время и подготовиться к предстоящей борьбе, они явились к епископу перед самым отплытием купеческих кораблей и притворно упрашивали его остаться с ними, обещая креститься и не изменять новой вере. Мейнгард поверил им и остался. Но только что корабли скрылись из виду, как ливы осыпали епископа насмешками и бранью. Помощи ждать было неоткуда, и Мейнгард должен был молча переносить свое унижение, оставаясь среди враждебного к нему населения. Теперь уж он утратил всякую надежду завоевать для немцев ливский край одними лишь мирными средствами. И хитрый старец решил тайно бежать из плена, чтобы снова вернуться сюда уже во главе войска. Он не раз пытался пробраться через страну эстов на о. Готланд, где немцы и другие иноземные купцы еще раньше обещали ему военную помощь. Но эти попытки не удались, по-

тому что ливы зорко следили за каждым шагом своего пленника. Тогда Мейнгард обращается к содействию своего сотрудника монаха Теодориха.

Теодорих до того времени жил в ливском округе Трейдена. Там ему удалось вылечить от опасной болезни старшину Каупо и склонить его затем к принятию крещения. По примеру старшины крестились еще несколько человек. Остальное же население не пожелало изменять вере своих отцов и возненавидело монаха. Воспользовавшись случаем (когда во всей стране был неурожай, а на полях монаха хлеб вырос, как всегда), трейденцы обвинили Теодориха в чародействе и хотели его убить. Но в виду заступничества со стороны крещенного князя Каупо, было решено подвергнуть судьбу обвиненного на суд богов. Волхвы (targad) посадили монаха на коня и с особыми заклинаниями повели этого коня через брошенное на землю копьё. Собравшийся народ с замиранием сердца следил за гаданием, т. е. за решением воли богов: правой или левой ногой сделает конь первый шаг через копьё. Конь переступил копьё левой ногой; и это было знамение, что боги не желают крови обвиненного. Теодорих был объявлен помилованным богами, и получил свободу.

Дальнейшее пребывание среди ливов уже не доставляло Теодориху ни удовольствия, ни выгод. Опасаясь за свою жизнь, он с особой готовностью принимает предложение еп. Мейнгарда—тайно отправиться в Рим, к папе, с просьбой о военной помощи. В облачении и со св. дарами в руках монах выезжает из Трейдена будто бы к умирающему. Таким образом он беспрепятственно выбирается из страны ливов и благополучно прибывает в Рим. Папа (Целестин III) внимательно выслушал рассказ Теодориха о бедствиях еп. Мейнгарда и его сотрудников, и немедленно же объявил крестовый поход на язычников-ливов. Всем, кто выражал готовность принять крест и стать в ряды этого воинства, было обещано прощение грехов. Но Мейнгард не дождался крестоносных войск; он умер от тревог и огорчений еще до их прихода (в 1195 г.).

12. Епископ Альберт и Орден Меченосцев.

Бертольд, второй епископ Ливонии (так стали называть теперь страну ливов), сразу же по приезде в Икскюль убедился, что ливы настроены к нему враждебно. Он уехал в Бремен, а весной (1198 г.) вернулся снова, но уже не один, а с целым войском крестоносцев. В первой же схватке с ливами этот епископ, сражавшийся сам в первых рядах войска, был убит. Ливы твердо решили не признавать над собою никакой чужеземной власти. Но папа и бременский архиепископ уже привыкли считать Ливонию подвластной себе страной. После долгих поисков подходящего лица, назначили епископом этой страны Альберта, человека знатного рыцарского происхождения.

Альберт, в полном смысле слова, был епископ в военном мундире. Он решил подчинить Ливонию по всем правилам войны. Папа (Иннокентий III) вполне одобрил намерение епископа и выпустил воззвание к немецким рыцарям, призывая их на крестовый поход против мятежных ливов. Участникам похода было обещано полное прощение грехов и богатая добыча. Под знаменами епископа Альберта собралось много крестоносцев, жадных к грабегам и насилиям. С этим войском, весной 1200 года, Альберт отправился к берегам Ливонии на 23 кораблях. Уже при первых столкновениях с ливами на Двине Альберт убедился, что ему трудно победить врага в честном бою, и поэтому прибег к коварству. Он заключил мир с ливскими вождями и князьями и пригласил их к себе на пир. Здесь епископ велел их схватить и объявить своими пленниками. Освободить их согласился Альберт только тогда, когда пленники дали за себя заложниками своих сыновей— всего до 30 человек. Такой поступок епископа, конечно, возбудил против него непримиримую ненависть ливов, особенно когда он в этом же году (1200), отправляясь в Германию набирать новых крестоносцев, взял с собою этих заложников, вероятно, для подготовки к церковному званию и проповедническому делу.

Вернувшись из Германии с крестоносцами, епископ Альберт закладывает в 1201 г., близ устья Двины, город Ригу. Город обносится высокими и толстыми каменными стенами. На лучшем месте закладывается фундамент для главной церкви города и, в первую очередь, возводится замок для епископа, т. е. каменный дом, окруженный каменными же стенами. Кругом располагаются дома немецких купцов и ремесленников, которым епископ предоставляет большие льготы. Альберт твердо решил сделать Ригу главным городом Ливонии и главной пристанью для иноземных кораблей. Отсюда гордый и властный епископ мог господствовать над покоренной страной, отовсюду получая огромные доходы для себя и для папы. Настойчивому епископу вполне удалось достигнуть этого своей 30-летней кровавой работой в крае (1199—1229 г.).

По истечении года опустошительной для ливов войны большая часть крестоносцев вернулась обратно в Германию, получив прощение грехов и хорошую добычу. Епископ остался почти без войска. Но он чувствовал, что ливы, временно смирившись, могут поднять восстание в разных местах и угрожать Риге. Поэтому он обратился с просьбой к папе—разрешить ему устроить постоянное войско по образцу существовавших уже на западе монашеских рыцарей. Папа Иннокентий III охотно дал свое согласие, и в 1202 г. утвердил устав Братства Христова воинства. Это рыцарское братство более известно под именем Ордена меченосцев, п. ч. рыцари—братья носили на белых плащах (накидка) нашитые из красной материи меч и крест. Устав требовал от братьев-рыцарей трех главных клятв: оставаться всю жизнь

безбрачными, беспрекословно повиноваться воле старших и неустанно воевать с язычниками. Зато наградой этим братьям служила военная добыча, т. е. свобода грабить и насильничать над беззащитным населением завоеванного края. В то время в Германии и других государствах Европы было много беспокойных и преступных людей рыцарского звания. Из них то епископ Альберт и составил Христово воинство меченосцев. Главный начальник ордена назывался магистром и был подчинен Рижскому епископу. Магистр ордена жил не в Риге, а в особом замке, Венден, верстах в 80 от Риги.

Борьба немцев с ливами продолжалась 8 лет (1200—1208) и отличалась большой жестокостью с обеих сторон. Долго сопротивляться ливы не могли: они были плохо вооружены и разрознены; а рыцари, закованные в железо и сталь, действовали сплоченно и дружно. Часть ливов, крещенных еще Мейнгардом, не только не поддерживали язычников, но даже становились на сторону их и своих врагов—немцев. Наконец, вся страна ливов была покорена и приняла крещение. Без всякого сопротивления подчинились ордену соседи ливов—летты, или латыши. Полной покорностью немцам они надеялись сохранить свою свободу. Но эта покорность не спасла их от того рабства, которое немцы наложили на всю завоеванную страну. Как особый народ, ливы почти исчезли, смешавшись частью с латышами, частью с эстами. От них сохранилось до нашего времени лишь 2—3 тысячи душ. Но зато этот народ дал имя всей стране—Ливония.

13. Начало борьбы эстов с немцами.

Епископ Альберт устроил Христово воинство меченосцев не для борьбы только с ливами. Братья меченосцы недаром давали клятву неустанно воевать—до полного истребления в стране всех язычников. А их дело далеко еще не было закончено. Рядом с покоренной ими Ливонией находился огромный край, населенный эстами. По поручению епископа меченосцы и принимаются теперь за этот край.

Благовидным предлогом к войне Альберт считает, что когда-то эсты округа Уганди будто бы напали на немецких купцов, ехавших в Псков с товарами, и ограбили их. Рыцари меченосцы, вместе с покорными им ливами и латышами, вторглись в Уганди (1208 г.). Весь край до реки Эмбаха был ими опустошен, а Отепя, главный город округа, сожжен. Тогда на помощь угандцам пришли их соседи сакальцы, т. е. эсты округа Сакала. Соединенными силами они вторглись в землю латышей, пограбили ее и осадили латышский город (Беверин). Взять этого города эстам не удалось; они заключили с латышами перемирие на один год и отступили. В это самое время между епископом Альбертом и рыцарями-меченосцами происходят несогласия. Рыцари потребовали от епископа уступки в полное их распо-

ряжение $\frac{1}{3}$ всех земель, которые они завоюют. Властолюбивый Альберт отказал. Папа поддерживал требование рыцарей и позволил Ордену вести войну с язычниками без разрешения рижского епископа. Ссора, конечно, ослабила силы немцев. Этим и решили воспользоваться сакальцы и угандцы. В 1210 г. они напали на Венденский замок, местопребывание (резиденция) магистра ордена. На выручку Вендена подоспели рыцари из других замков, вместе с ливами под предводительством Каупо. Эсты отошли к речке Имера. Здесь, в лесу, они устроили засаду. В эту ловушку неосторожно и попали меченосцы с Каупо. Все они, за исключением бежавших Каупо и немногих рыцарей, были перебиты или взяты в плен. На спинах некоторых пленников победители вырезали потом (вероятно, при допросах с пытками) кресты и живыми побрасали их в пылающие костры.

Эта победа эстов над немцами встревожила Альберта. Он помирился с орденом, согласившись исполнить все требования рыцарей. Теперь епископ решил жестоко наказать сакальцев и разорить их главный город Феллин. По его распоряжению большие силы крестоносцев, ливов и латышей вторглись в округ Сакала и осадили Феллин. Отрядам латышей и ливов было приказано опустошать страну и избивать язычников. Несколько пленных сакальцев были приведены под стены города. Начались переговоры с осажденными. Немцы предложили им сдать город без боя и согласиться принять христианскую веру. В случае отказа рыцари угрожали изрубить на их глазах пленных эстов. Осажденные громким смехом отвечали немцам на их дикие предложения. После этого рыцари-христиане действительно изрубили эстонских пленников и бросили тела их в городской ров.

Теперь начинается усиленная подготовка к занятию города приступом. Особые немецкие машины работают день и ночь, забрасывая осажденных камнями. От этого каменного дождя в стенах города гибнет много эстов. Латыши и ливы подвозят к городу бревна и камни, понемногу заполняя ими городской ров. К стенам подкатывают боевые башни, устанавливают длинные бревна и лестницы. Напрасно защитники города поджигают башни; немцы успевают быстро тушить пожар. Пять дней мужественно бьются эсты со стен города; но силы их с каждым днем слабеют. На шестой день немцы приступом берут первую стену и поджигают наружную часть города, но они должны отступить под второй стеной города. Скоро борьба возобновляется. Эсты изнемогают. В городе недостает воды. Братья-рыцари снова предлагают эстам сдаться и принять крещение. Защищаться долее не хватает ни средств, ни сил. С отчаянием в душе оставшиеся в живых феллинцы сдают ся на милость победителей, соглашаясь принять ярмо, какое несут латыши и ливы. После перемирия сакальцы принимают крещение.

Так описывает эту первую борьбу эстов с немцами латышский священник Генрих, оставивший после себя подробную хронику (летопись) завоевания немцами обширного края. Описание Генриха Латыша довольно правдивое, хотя он, как католический священник, и считал себя врагом язычников. Генрих слышал рассказы очевидцев о первом приходе немецких купцов в страну ливов, и сам был очевидцем мирной работы осторожного Мейнгарда, и кровавой работы епископа Альберта. Все, что Генрих Латыш слышал от очевидцев или видел своими глазами, он и описывает правдиво в своей хронике.

14. Вождь эстов Лембит и битва на р. Пала.

Всякая народная борьба рождает своих героев. Герои те, кто жертвуют собою, своим спокойствием и жизнью, для счастья родной страны и родного народа. Много таких героев породила и Эстония в своей борьбе с немцами. Но первое место среди них занял Лембит, сакалец из северной части округа, еще незавоеванной немцами. Лембит выступает, как неукротимый борец за свободу родной страны. Он неутомимо борется с насильниками немцами и жестоко мстит им за своих погибших собратьев.

После взятия Феллина епископ Альберт находился в отъезде (в Риме): а орденские рыцари были заняты сооружением своих замков в покоренной ими Ливонии. Во главе сакальцев и угандцев Лембит идет на соседних латышей и ливов, участвовавших с немцами в разорении его родины. Ему помогают и острова (с острова Сарема и др.), одновременно с ним напавшие на ливов. Враги были наказаны. Особенно пострадали округа, где жили Каупо и Генрих Латыш.

Но Альберт вскоре вернулся из своей поездки и стал готовиться к новому походу на эстов. Округ Сакала был подчинен епископу только до Феллина. Родовая волость Лембита, с ее родовым укреплением Лехола, лежала севернее. Городок Лехола был расположен на высоком холме среди болот. (Остатки этого укрепления и каменный мост к нему через болото сохранились до сих пор). Лембит считал свой город недоступным для врагов и смело вступил в борьбу с епископом. Новая война началась в 1215 г. Лембит несколько раз наносил поражения отдельным отрядам меченосцев, но перед объединенными силами немцев должен был отступить. Он заперся в своей крепости, где немцы и осадили его, начав подготовку сжечь город. Герой не устоял перед слезами женщин и детей, которым угрожала смерть заживо сожженных. Он взял на себя стыд сдать на милость победителей, надеясь впоследствии отомстить за этот позор. Под условием креститься ему сохранили жизнь и отправили пленником в Ригу.

Но Лембит освободился из плена, дав за себя заложников. Первым делом он смыл с себя крещение и стал призывать всех

эстов подняться на защиту своей страны и свободы. В то же время он заключил союз с новгородцами. На его призыв собралось до 6.000 эстов из всех свободных еще округов (Роталья, Харьюма, Ярвама и Вирума). Под предводительством лучших своих вождей эсты расположились недалеко от Феллина, ожидая прихода союзников русских. Но новгородцы опоздали. Три тысячи меченосцев, с магистром во главе, и большие силы ливов и латышей уже двинулись на мужественных защитников свободы и родины. Эсты отошли к северу на берег р. Пала. Здесь 21 сентября 1217 г. и произошла кровавая битва, которая надолго решила участь эстов.

Магистр выстроил свои войска в обычном немецком порядке: рыцари стали в центре; ливы и латыши разместились по краям. Лембит также выстроил эстов в три колонны, поставив наиболее сильные отряды против немецкого центра. Сакальцы со своими старшинами, Вотеле, Манивальде и др., заняли правое крыло — против латышей. Эсты первые начали сражение. Битва разгорелась. Эсты нападают и держатся стойко. Лембит во-время является всюду, где ослабевают его герои. Левое крыло эстов уже разбивает ливов, и их вождь Каупо падает сраженный. В это же время немецкие рыцари, получив подкрепление, прорывают эстонский центр и обходят сакальцев. Подошедшая к немцам помощь начинает теснить эстов и на левом их крыле. Тогда Лембит отдает распоряжение отступить. Прикрывая затем отступающие части, Лембит подвергается нападению со стороны латышей и падает в кровавой схватке.

Оборонительная битва еще продолжается. Один за другим гибнут в неравной борьбе вожди и лучшие воины эстов. Но известие о смерти любимого вождя прекращает кровопролитие. Эсты скрываются в лесах, оставив на поле битвы более тысячи своих героев. Через три дня воюющие стороны заключают перемирие. Эсты подбирают и погребают тела убитых. Немцы торжествуют победу. Более 2000 коней составляют добычу победителей.

Гибель вождей на р. Пала сломила силы эстов, а число их врагов все больше возрастало.

15. Прибытие датчан и соперничество их с немцами.

Победа на р. Пала дорого обошлась и немцам: много лучших рыцарей выбыло из строя. Бременский епископ, из зависти к успехам Альберта, стал задерживать крестоносцев, желавших ехать на службу в Ливонию. Рижскому епископу снова угрожала опасность остаться без войска. Между тем целые области эстов не были еще завоеваны, а население покоренных округов продолжало волноваться. Их старшины снова заключили союз с новгородцами, приглашая русских на помощь. В таком трудном положении епископ Альберт обратился к датскому королю Вольдемару II, предлагая ему вступить в союз против эстов.

Этот Вольдемар еще в 1206 г. побывал на острове Эзеле, намереваясь там утвердиться. Он построил там даже небольшую деревянную крепость. Правда, крепость эта вскоре была им самим разрушена, потому что рыцари его отказались остаться на зиму среди непримиримых островитян. Предложение епископа Альберта теперь очень понравилось Вольдемару. Король однако же поставил условием, чтобы все земли, которые он завоеует, оставались за ним. Альберт согласился на условия тем более, что 16-тысячное войско новгородского князя уже осаждало в это время Венден, а островитяне угрожали самой Риге. Хотя русские и не взяли венденского замка и вскоре ушли, но епископ был очень встревожен тогда этим выступлением.

Летом 1219 г. огромный флот Вольдемара вошел в залив, на берегу которого возвышался город Линданиса. Датчане высадились на берег и расположились лагерем. Вскоре к королю явились выборные от волости Харьюма, выражая покорность и готовность креститься. Но это была лишь военная хитрость эстов. Узнав расположение лагеря и силы врагов, эсты уже через три дня произвели ночное нападение на датчан. В этой ночной кровавой схватке погибло много рыцарей и простых воинов. Сам король едва успел спастись. Только на рассвете Вольдемару удалось собрать остатки войск и отразить яростное наступление эстов. Впоследствии датчане разукрасили эту свою победу над эстами такой легендой:

„Во время боя эсты уже захватили знамя короля. В это время с неба упал новый флаг — красный, с большим белым крестом посередине. Чудо воодушевило датчан, и они победили. С тех пор этот флаг — „Данеброг“ — стал национальным флагом Дании.

После победы Вольдемар приказал срыть укрепления Линданисы и в 1219 г. заложил на ее месте каменный замок. Этот замок стали называть Ревель, или по-эстонски Таллин (Tallinn). Такие же замки датчане строили и в других местах по мере завоевания страны. Уж в следующем 1220 г. они завладели округом Вирума и построили там потом замок Везенберг, развалины которого сохранились до настоящего времени.

Теперь начинаются столкновения датчан с немцами из-за захвата эстонских земель. Чтобы сильнее закрепить над эстами свою власть, немцы рассылают по стране священников для обращения населения в католическую веру. В Вирума побывал, напр., и Генрих Латыш, окрестив здесь за короткое время до 14 селений. Но в деле обращения язычников датчане оказались изобретательнее немцев. Они объезжали поселки эстов, ставили там большие деревянные кресты, оставляли освященную воду и под угрозой смерти требовали от старшин самим производить обряд крещения. Иногда датские рыцари вешали эстонских старшин лишь за то, что те позволяли принимать крещение от немцев. Таким скорым способом крещения народа датчане

завладели северными округами Харьюма и Вирума. Но и для немцев, и для датчан важно было не обращение язычников, а только захват земель и власти над населением.

16. Последняя борьба эстов за независимость.

Шведы тоже сделали попытку завладеть частью эстонских земель в округе Роталья. Им удалось захватить (в 1220 г.) главный город этого округа (Лихула) и крестить ближайшее к нему население. Но вслед за ними сюда же явились большие силы островитян и прогнали захватчиков. Уже в следующем году островитяне, в союзе с эстами Харью- и Вирума, о с а ж д а ю т Р е в е л ь, загнав туда почти всех датских рыцарей. Еще через год те же островитяне разрушают на Эзеле датскую крепость, только что построенную Вольдемаром, а эсты Харьюма приступом берут город Варбола.

Такое удачное начало борьбы с датчанами вызывает во всех поработанных эстах горячее желание сбросить с себя иноземное иго. Первыми, как всегда, поднимаются сакальцы. 13-го января 1223 г., в воскресный день, они неожиданно нападают на Феллинский замок и избивают там всех немецких рыцарей и купцов. Их гонцы немедленно же рассылаются по всей стране с призывом к избиению врагов родины. В Тарту (Юрьев) посылаются даже окровавленные мечи, как знак одержанной победы. Восстание разрастается; эсты вооружаются почти поголовно. Повсюду избиваются немцы и датчане, а в некоторых местах даже их жены и дети. Вся страна, кроме Ревеля, снова принадлежит эстам. Освобожденное население спешит смыть с себя крещение, как знак рабства. Женщины скребут и моют стены своих домов, оскверненных кроплением немецких священников.

Так велика была ненависть эстов к своим поработителям и ко всему немецкому!

Но не надеясь вполне на свои силы, эсты зовут на помощь русских князей. Многие князья дают эстам свое согласие, рассчитывая потом утвердиться в стране. Первыми приходят новгородцы и псковичи. Эсты поручают им охрану крепостей: Юрьев, Феллин и др. Сакальцы отправляют своих послов в Ригу с требованием — вернуть их заложников в обмен на пленных купцов и рыцарей. Послы сверх того заявили в Риге, что эсты хотят жить в мире с немцами и только не желают подчиняться епископу и рыцарям. Альберт и меченосцы, сознавая свое бессилие, согласились на все условия.

А тем временем в Германии по призыву папы уже снова составлялись большие крестоносные ополчения. Весною 1223 г. крестоносцы прибывают в Ригу и немедленно же направляются в страну эстов. Сакальцы и угандцы терпят от них одно поражение за другим. После двухнедельной осады рыцари берут

Феллин, а затѣм и замок на р. Пала. Ни русские, ни северные эсты во время не подоспели. Только осенью подошло 20-тысячное войско Ярослава Суздальского. Русские занимают Юрьев и Отепя, выражая намерение надолго здесь остановиться. Правда, по просьбе островитян Ярослав ходил на Ревель, но взять этой крепости не мог и вернулся обратно. Вскоре он и совсем ушел в свой Суздаль, оставив в Юрьеве подручного князя Вячко с дружиной в 200 человек. Потом говорили, что князь Ярослав был подкуплен датчанами. Но вернее думать, что князь опасался вторжения в свои земли татар, которые только что перед тем разгромили русских князей на Калке. Этот бесполезный поход огромного русского войска на Ревель только разорил хозяйства эстов и ослабил их силы. Орден меченосцев и крестоносцы, соединившись с датчанами, снова поработили всю страну.

Теперь пока еще сохранили свою независимость смелые и непримиримые моряки островитяне. Упорно держался и город Юрьев, где засели 200, русских да полторы тысячи эстов, этих последних борцов за свободу родины. Но настала очередь и для них. Летом 1224 г. немцы осадили Юрьев. Епископ Альберт сделал все, чтобы уничтожить это „гнездо язычников“. Огромные силы рыцарей, латышей и ливов окружили город. Юрьев был расположен на высоком, обрывистом холме и прекрасно укреплен русскими. Последние борцы за свободу защищались отчаянно. Как и при осаде Феллина, латыши и ливы безостановочно подвозили лес и камни, заполняя городской ров. Наконец, с помощью боевых башен и лестниц рыцари завладели частью стены. Защитники оставили стены и продолжали бой внутри города. Озверевшие рыцари беспощадно рубили даже тех, кто бросал оружие; рубили женщин и детей. Дольше всех держались русские со своим бесстрашным князем Вячко. Но и они погибли, кроме одного ратника, которого пощадили с умыслом. Этого покрытого ранами воина посадили на коня и отправили в Суздаль рассказать своему князю о кровавой расправе победителей.

Через три года епископ Альберт покончил и с островитянами. Зимой (1227 г.) 20-тысячное войско немцев, ливов и латышей перешло из Пернова по льду на острова. В несколько недель немцы взяли и разрушили ряд крепостей (Линнусе, Вальяла и др.). Целые тысячи храбрых защитников страны и свободы погибли в кровавых схватках. Оставшиеся в живых покорились и приняли крещение.

Теперь немецкие купеческие корабли могли свободно и безопасно плавать вдоль берегов всей покоренной страны.

Спокойно мог умереть теперь и епископ Альберт (в 1229 г.). Этот человек сделал огромное дело: он опустошил и обезлюдил обширный край; насилем и угрозами он заставил оставшееся в живых население принять новую веру, а вместе с нею нищету и рабство; наконец, насилем и кровью он

отнял у законных владельцев-эстов их землю и передал ее немецким рыцарям с их потомством, заставив старых хозяев страны, эстов, безропотно работать на незваных пришельцев.

IV. Время немецкого владычества.

17. Военные хозяева страны и укрепление их власти.

Сломив сопротивление эстов и угрозами заставив их переменить веру, немцы и датчане могли считать главную свою работу законченной: они становились теперь хозяевами завоеванной земли и господами новообращенных христиан.

Правда, верховным государем Ливонии (как стали называть теперь весь завоеванный меченосцами край) считался Римский папа, а покровителем и защитником ее—Германский император. Но ни папа, ни император не вмешивались в дела этой далекой страны. Папа довольствовался своей частью доходов ($\frac{1}{3}$ доходов отдельных приходов, монастырей и епископств), и только изредка, по жалобам недовольных лиц, делал кое-какие распоряжения в подвластной ему стране. Император не пользовался постоянными доходами с этого края; но время от времени он получал подарки от римского епископа или от ордена меченосцев. Такие подарки подносились ему обыкновенно вместе с просьбами о помощи, т. е. о разрешении набирать в его владениях крестоносцев. Никаких других дел с Ливонией эти два государя не имели. Даже и датский король не был полным государем в своих эстонских владениях. Вольдемар, после завоевания эстонского побережья, уѣхал к себе в Данию, воевал там со своими соседями, побывал у них в плену и редко потом показывался в Эстии. Его рыцари, пользуясь отсутствием короля, действовали на свободе, как хотели. Таким образом, епископы и рыцари оставались единственными хозяевами и господами завоеванной ими страны.

В первое время между завоевателями из-за захвата земель происходили большие несогласия. Но страшное для всех восстание эстов в 1223 г. временно их примирило: датчанам предоставили занятые ими северные округа Харью и Вирума; рижский епископ и орден меченосцев распределили между собою остальные земли. Затем, вскорѣ после смерти Альберта, папа назначил епископа Риги архиепископом, т. е. старшим епископом всей Ливонии, а для отдельных частей страны — четырех епископов. (Их местопребывание: в Дерпте, т. е. Юрьеве, Ревеле, Лихуле близ Гапсаля и — в земле куров, еще не вполне завоеванной). После этого между орденом

и епископами окончательно установился порядок владения землей: $\frac{1}{3}$ всех владений предоставлялась архиепископу, $\frac{1}{3}$ — четырем епископам и $\frac{1}{3}$ — братьям-меченосцам. Впоследствии папа и император вполне одобрили такой порядок деления земель.

Теперь все заботы земельных владельцев обращаются на укрепление их власти над покоренной страной. Оставшееся в живых население запугано, но далеко еще не успокоилось и не примирилось с жестокими завоевателями.* Со стороны — спокойствию господ продолжают угрожать русские князья и литовцы. Главные средства защиты и укрепления власти немцам хорошо известны: это — неприступные каменные замки и возможно большее число немецкого населения в стране. Еще епископ Альберт сразу же по приезде в страну ливов позаботился выстроить для себя крепкий каменный замок и основал город Ригу, заселив его немецкими купцами и ремесленниками. По его же плану каждое новое завоевание сопровождалось сооружением новых замков. Чаще всего эти замки строились на местах разрушенных эстонских городов или же рядом с их развалинами.

Гораздо труднее было заселить страну немцами. В далекую языческую страну более охотно ехали разные искатели приключений и люди легкой наживы, но не люди труда. Волею-неволею приходилось в первое время ограничиваться братьями-рыцарями, монахами и купцами. Только после завоевания края и усмирения населения сюда стали приезжать ремесленники, соблазняемые большими льготами. Потом мало-помалу в Ливонию потянулись и сельские хозяева. Это были свободные люди, которым однако же тяжело жилось на родине и которые искали более спокойной и обеспеченной жизни. Здесь они селились на епископских или орденских землях и становились вассалами.

Вассал — значит вольный слуга. Так назывались на Западе свободные люди, добровольно бравшие на себя военные обязанности за право пользования землей. Во время войны вассал обязан был по требованию своего господина, иначе — сениора, являться в полном вооружении и на коне, иногда даже с известным числом своих вооруженных людей. Для епископов, для братьев-меченосцев и датских рыцарей такие люди очень были нужны. Вассалы составляли главную военную силу сениоров и постепенно приучали покоренный народ к повиновению и порядку. Эти же вассалы направляли работу подвластного населения, увеличивая доходность епископских и рыцарских владений. Впоследствии (XIV—XV вв.) они сделались большой силой в стране, составив класс мызников-землевладельцев. Только с их помощью власть епископов и рыцарей все более укреплялась в стране.

18. Епископы, приходские священники и монастыри.

Ливония была завоевана немцами и дачанами при помощи и руководстве князей католической церкви, т. е. римского папы и бременского епископа. В первое время покоренный край и считался владением бременского князя-епископа. Папа, как верховный государь страны, получал при этом $\frac{1}{3}$ княжеских доходов. Но епископ Альберт так умно повел свои дела, что сделался почти независимым епископом и князем в Ливонии. Его преемник, в знак полной независимости от Бремена, уже получает от папы звание (титул) архиепископа. Для папы, князя всей католической церкви, было выгодно разбивать и ослаблять силы своих подчиненных, п. ч. так легче было господствовать и собирать доходы.

В те грубые и темные времена князя католической церкви и их прислужники заботились только о своем благополучии, сознательно разжигая вражду и ненависть между людьми. Да это и понятно. Тогда вся власть над христианскими народами западной Европы находилась в руках грубых и жестоких рыцарей, или, как они сами себя называли, людей благородных и свободных. Чтобы никто не мешал им своеволичать и насильничать над подвластным населением, эти „благородные рыцари“ стали замещать все главные церковные должности (папы, епископов, начальников монастырей и главных церквей) лицами своего же звания. Многие из таких „благородных“ епископов гораздо лучше умели владеть мечем, нежели читать и понимать евангелие (напр., епископы Бертольд и Альберт). Их пастырским правилом были слова: „Христос муки на кресте терпел, людям горе терпеть велел“. Но проповедуя терпение для измученного горем населения, благородные князья церкви не любили стеснять себя ни в чем и жили в свое удовольствие.

Таковыми же князьями завоеванной страны являлись и епископы Ливонии. Самым богатым, а стало быть, и самым гордым и сильным из них был архиепископ рижский. Он получал огромные доходы и в виде церковной десятины, и в виде разных пошлин с торговых складов и с прибывающих в Ригу купеческих кораблей. Архиепископ жил в прекрасно укрепленном замке в Риге, тратя свои доходы на пиры и удовольствия, да на подарки более сильным князьям, т. е. папе и императору. Так же, хотя и победнее, жили и подчиненные ему епископы. Главным делом и заботой своей жизни они считали собиранье доходов и поддержание порядка в своих владениях. Их вольные слуги, или вассалы, служили князьям церкви, как полицейские и сборщики доходов. Все остальные заботы о подвластном населении, т. е. об удержании народа в послушании и верности католической церкви, епископы возложили на приходских священников,—патеров.

В те времена от христиан, т. е. от людей, получивших церковное крещение, требовалось очень немного. Всякий верный

католик должен был посещать в праздничные дни церковь, исполнять предписанные ему обряды и исправно вносить церковную десятину, (подать в виде $\frac{1}{10}$ части своих доходов). Церковная служба у католиков, как известно, совершается на латинском языке, непонятном для неученных людей. Священники, как могли, разъясняли иногда народу на их языке обряды богослужения и смысл молитв; но большинство приходских священников были невежественные и малограмотные люди. Как и их князья епископы, они больше думали о десятине и других доходах, чем о христианском просвещении прихожан. Евангелие в католической церкви, даже до последнего времени, считалось запрещенной книгой для народа. Читать эту книгу на латинском языке дозволялось одним ученым людям, а разъяснять евангелие могли только священники. При таких условиях немецкая вера оставалась непонятной для простого народа. Молитву—Отче наш—знали только немногие любознательные и памятливые. Зато для священников такое незнание служило доходной статьей: они могли отказать в венчании тем, кто не знал этой молитвы.

Для духовного и хозяйственного просвещения населения кое-что могли бы еще сделать монастыри. По монастырским уставам монахи должны были жить и кормиться собственными своими трудами, отдавая главные свои заботы служению ближним. В первое время по открытии монастырей эти уставы отчасти и соблюдались. Кроме церкви монахи устраивали у себя больницы и приюты для бездомных. Монастырское полевое хозяйство, огороды и сады разделялись, хотя и с помощью окрестного населения, очень старательно. Там же заводились разного рода ремесленные мастерские и мельницы, где крестьяне могли молоть свой хлеб. Благодаря порядку и добровольным трудовым пожертвованиям со стороны населения, благосостояние монастырей росло с каждым годом.

Но трудовые богатства монастырей не давали покоя князьям церкви. Епископы и из мирных монастырских обителей старались извлекать для себя как можно больше доходов. Они стали назначать начальниками монастырей своих родственников или же вполне послушных себе людей. Мало-по-малу под управлением епископских ставленников изменяются порядки монастырской жизни. Монастыри становятся приютами для разных тунеядцев и дурных людей, на которых работает окрестное население. Братья-монахи обращают свои обители в торговые базары, где бойко торгуют вином и пивом, полотнами и сукнами, наравне с иконами, крестиками, душеспасительными молитвами и даже отпущением грехов.

Так католические епископы и их прислужники исполняли евангельскую правду в завоеванной ими стране.

19. Рыцари меченосцы и соединение их с тевтонами.

Орден меченосцев по уставу считался подчиненным рижскому архиепископу. Так было на бумаге, а на деле—рыцари меченосцы сделались совершенно независимыми от епископа. Страна была завоевана их оружием и кровью, поэтому они требовали для себя справедливой награды. Епископ уступил и отдал в их полное владение третью часть всех завоеванных земель. В разных спорах ордена с епископом папа чаще всего поддерживал сторону меченосцев. Среди них было немало родовитых людей,—графов и баронов, у которых в Германии оставались знатные и сильные родственники. Раздражать сильных людей и для папы было невыгодно; а смирять гордых епископов—полезно для папского престола. При такой поддержке главы католической церкви, меченосцы все более освобождались из-под власти архиепископа. В своих неприступных каменных замках рыцари чувствовали себя полными хозяевами своих владений и господами подвластного населения.

Их замки строились по образцу таких же замков (бургов) в Западной Европе; но общий план их был один и тот же для всякого рода укрепленных городов. На удобном холме возводились высокие и толстые каменные стены с башнями; в них делались узкие окна для обстрела наступающего врага. Вокруг стен снаружи шел глубокий ров, наполненный водой. К воротам замка перекидывался подъемный мост, который спускался только при проезде хозяев, гостей и своих людей. Крепкие дубовые ворота, окованные железом, тоже запирались ночью и днем. Внутри располагался жилой каменный дом с высокой башней посередине для наблюдений за окрестностями. Эта же башня служила и последним убежищем при вторжении неприятеля в замок. В замковом доме устраивалась только одна большая комната, или зал, для приема гостей и пиров. Остальные помещения,—для хозяев, их гостей и для прислуги, располагались вокруг зала и были довольно тесны. Окна в зале и жилых комнатах делались длинные и узкие; потолки—высокие, особенно в зале, и сводчатые; полы—каменные. Общий вид жилых помещений был неуютный и мрачный. Каминь с прямыми трубами плохо нагревали комнаты.

Запасы продовольствия хранились в глубоких и темных подвалах. Там же находились и места для заключенных. Иногда из тайного подвального помещения устраивался подземный ход к ближайшему лесу. Для простых воинов и чернорабочей прислуги строились особые помещения, рядом с конюшнями и сараями для скота. Глубокий и широкий колодец посреди двора составлял необходимую принадлежность всякого замка.

Отсюда братья-рыцари и господствовали над подвластным им населением. Один из рыцарей выбирался начальником замка и назывался ко м тур. Он был главным распорядителем владений и всего замкового имущества. Управители имений и вассалы

повиновались только ему. Начальники замков составляли совет при магистре ордена. Они же выбирали на случай войны особого военачальника, маршала. При таком порядке управления меченосцы могли представлять большую силу в стране. Но число их с каждым годом уменьшалось. По обету безбрачия братья-меченосцы умирали без наследников, а подыскивать новых братьев для ордена становилось все труднее.

К этому времени (XIII в.) на нижнем течении реки Вислы утвердился другой немецко-рыцарский орден, — тевтоны, переселившийся из Палестины. Тевтонов пригласил сюда для борьбы с язычниками-пруссками (племя литовцев) один польский князь, владения которого страдали от их грабительских набегов. Теперь большинство немецких рыцарей предпочитало вступать в орден братьев-тевтонов, потому что их земли лежали гораздо ближе к Германии. Между тем меченосцы все больше теряли своих братьев. Однажды (в 1236 г.) довольно значительный отряд, в сопровождении вспомогательного войска из эстов, сделал набег на землю литовцев и куров. Но рыцари попали в засаду (при Зауле). Сам магистр и 50 человек рыцарей погибли под ударами дубин литвы и куров. При этом эсты, не смотря на просьбы и угрозы магистра, отказались сражаться. Это поражение встревожило епископа и меченосцев. По их просьбе папа приказал тевтонам соединиться с меченосцами, что и было исполнено в 1237 г. Меченосцы сняли со своих плащей красные нашивки, меч и крест, и приняли вместо них черный тевтонский крест.

После соединения орденов положение братьев рыцарей в Ливонии стало гораздо прочней. Их силы в стране не ослабели даже после двух новых поражений, которые они потерпели от русских и от литвы. Первое из них известно под именем Ледового побоища. Героем его явился молодой новгородский князь, Александр Невский. Рыцари хотели воспользоваться несчастьем русских, только что попавших в татарскую неволю, чтобы завладеть Новгородом и Псковом. Князь Александр (в 1242 г.) встретил на льду Чудского озера соединенные силы рыцарей и совершенно разгромил их. Между тем эсты, составлявшие и здесь вспомогательные отряды, спокойно смотрели на поражение своих господ. Целые сотни рыцарей погибли в схватке и в самом озере, в пробоины которого загнал их русский князь. Другое поражение рыцари потерпели через 18 лет после Ледового от Литвы под Дурбеном (близ нынешней Либавы). Здесь также большие силы братьев-рыцарей пострадали жестоко. Многие из них утонули среди болот, другие были перебиты в бою, а некоторые взяты в плен. Победители, литовцы и куры, изжарили потом пленников живыми, вырезав сначала на их телах кресты.

На место побитых приходили из Зап. Европы новые и новые братья, пополняя и увеличивая собою силы гордых владельцев замков. Здесь, в мирное время, монашествующие братья

проводили жизнь, вполне приличную их званию: охотились по целым дням в лесах, а вечером шумно пировали в замках, издеваясь над порабощенным населением. Иначе ведь не могло и быть: большинство из них были безграмотные варвары, запятнавшие себя пороками и преступлениями еще у себя на родине.

Многие из наезжавших в Ливонию иноземцев (большей частью — немцы) устраивались здесь в качестве ленников, т. е. вассалов. Вассалы составляли особые военные отряды своих сеньоров и сами также назывались рыцарями; но они не давали никаких монашеских обетов, как орденские рыцари-братья. Впоследствии из них образовался местный дворянский класс. В XIV веке вассалы получили от ордена право наследственного владения своими ленами или мызами. Такое же право предоставил своим вассалам и рижский архиепископ, чтобы сильнее привязать к себе этих „вольных слуг“. В датских владениях, Харью и Вирума, ленники землевладельцы с самого начала пользовались этими правами.

20. Новые города и городская жизнь в Ливонии.

Укреплению немецкой власти в стране много способствовали новые торговые города. Старые города эстов и латышей были простыми крепостями на случай нападения врагов. За время борьбы с рыцарями почти все они были разрушены. На их местах или невдалеке от их развалин возводились епископские, орденские и датские замки, строились монастыри и приходские церкви. Новые же немецкие города стали возникать только на бойких торговых путях. Приезжавшие из Германии купцы и ремесленники обыкновенно селились близ епископских или рыцарских замков, становясь как бы под защиту владельцев этих твердынь. Для большей безопасности они и сами стали окружать свои поселки высокими и прочными каменными стенами. Такие торгово-ремесленные поселки и получили название новых городов.

Заботы купцов и ремесленников о самозащите придали этим городам особый вид. Для удобства обороны стенами обносилось сравнительно небольшое пространство земли. Здесь все было рассчитано на то, чтобы выгадать место. Городские дома тесно примыкали один к другому и строились в несколько этажей, нередко с выступом верхнего этажа наружу. Улицы были узкие и кривые; переходы из одной в другую шли через ворота и дворы отдельных домов. Вокруг городских стен изнутри устраивался прочный деревянный навес, под которым тоже проходила улица. Во время осады и обстрела города передвижение по этим улицам было довольно безопасное. При таком своем устройстве города могли защищаться и выдерживать осаду не хуже замков, тем более, что население их возрастало с каждым годом.

Города и замки соединялись между собою широкими щебневыми дорогами. Дороги шли изгибами по высоким местам.

Мосты через речки делались из дерева и из камня. Лучшие дороги проходили между главными торговыми городами. Особенно быстро выросли, разбогатели и надолго удержали свое торговое значение — Рига, Ревель, Пернов, Феллин, Дерпт, Везенберг и Нарва. С 1282 г. эти города один за другим стали входить в состав Ганзы, т. е. союз городов балтийско-немецкого побережья, с Любеком и Бременом во главе. К этому союзу принадлежали и русские города, — Новгород и Псков. Во всех городах союза ганзейцы имели торговые конторы и склады; через них-то местные купцы и вели свои дела с иностранцами. Из Германии они получали сукна, материи, металлические изделия, обделанные кожи, соль, сельди, пиво и вино; из Швеции — железо, медь; из Новгорода и Пскова — сырые кожи, меха, сало, мед и воск. Из Эстии вывозили за-границу лен, коноплю, мед, воск, рыбу и хлеб. Часть сырых продуктов обделывалась местными городскими ремесленниками. Города богатели, и население их быстро возрастало.

Население ливонских торговых городов в первое время было исключительно немецкое. Потом понемногу в них стали селиться иностранцы и, как чернорабочие, эсты и латыши. Полноправными жителями городов были только немцы. Они составляли два особых общества, или гильдии: большую гильдию купцов и малую гильдию ремесленников. Горожане управлялись своими выборными властями — бургомистрами и ратманами. Этих правителей выбирали пожизненно из числа наиболее уважаемых и богатых купцов. Совет бургомистра (Rat) управлял всеми городскими делами: наблюдал за порядком в городе; судил и наказывал за проступки и преступления; собирал с горожан деньги и расходовал их на общие городские дела; заботился о военной защите населения. Мало-по-малу главные торговые города Ливонии настолько разбогатели и усилились, что могли освободиться из-под власти епископов и рыцарей. Как и на Западе, эти торговые города сделались маленькими самостоятельными республиками.

Общество городских ремесленников делилось по своим занятиям на разряды, или цехи (ткачи, портные, меховщики, башмачники, мебельщики, мясники, хлебопеки и т. д.). Цеховые ремесленники старались по справедливости распределить между собою заказы, чтобы никто не оставался без работы. Они отвечали за работу друг друга; поэтому все заказы исполнялись ими очень добросовестно. Звание мастера ремесленник получал не раньше, как после продолжительной выучки: надо было проработать лет пять учеником и несколько лет подмастерьем. Во время войны ремесленники составляли отдельные отряды по цехам и являлись лучшими защитниками своих городов.

Местный житель, эст или латыш, мог сделаться полноправным горожанином только с большим трудом. Для этого он дол-

жен был долгое время прожить в городе, хорошо научиться говорить по-немецки и затем приписаться к какому-нибудь цеху, начав выучку ремесла с обязанностей ученика. Но с течением времени торговля в городе разрослась; ремесленники заваливались заказами и не успевали их выполнять. Цехи, нуждаясь в лишних рабочих руках, охотно в этих случаях принимали к себе эстов и латышей. Таким образом трудолюбивые и способные местные жители все чаще становились полноправными гражданами вольных городов.

Хозяевами и господами края продолжали оставаться невежественное духовенство и безграмотное рыцарство. Зато горожане с каждым годом богатели и все выше поднимались в своем умственном развитии. По примеру городов Западной Европы в ливонских городах открываются школы. Число безграмотных уменьшается. Многие молодые люди отправляются за-границу для продолжения образования и возвращаются оттуда учеными врачами или законоведами (юристы). В городах устраиваются больницы и аптеки; обращается заботливое внимание на чистоту улиц, дворов; следят за здоровым качеством пищевых продуктов. Самая жизнь горожан проходит гораздо веселее и приятнее, чем жизнь в мрачных рыцарских замках. Здесь, в городах, и в будние дни не прекращаются оживленные разговоры, шутки и песни ремесленников. В праздники же до позднего вечера продолжается беззаботное веселье: на улицах и в домах слышатся песни и музыка; молодежь увлекается танцами. Все оживлено, беззаботно и весело. Горожане обеспечены в сем необходимом и свободны; они не могут не радоваться этому чувству свободы и довольства.

В вольные города стремились уйти все, кто не мирился с подневольным положением рабства. Чтобы сделаться свободным, достаточно было прожить в стенах города, хотя бы черно-рабочим, только один год и шесть недель. Недаром на Западе сложилась даже поговорка, что—„городской воздух делает человека свободным“.

21. Жизнь эстонского народа под властью немцев и датчан (XIII — XIV вв.).

Вместе с крещением по обряду католической церкви, эсты должны были принять на себя и ярмо рабства. Они были побеждены более сильными и жестокими пришельцами. Их лучшие братья погибли в неравной борьбе, но не отстаивали свободы родной страны. Оставшиеся в живых должны были до поры до времени смириться. Надо было собраться с силами и вырастить поколение новых борцов за свободу. Эсты покорились и признали над собою власть высокомерных и грубых чужеземцев.

Еще неуверенные в полной своей победе, немцы исподволь налагали на покоренный народ ярмо неволи. Они требуют вначале только покорности и дани, оставляя народ жить

по старым дедовским обычаям. Способ откупаться данью был знаком многим эстам с давних пор. Их предки нередко платили дань и норманнам, и датчанам, и русским. Но покорность в виде крещения и признания немецкого бога являлась для них совершенно новым и непонятым делом. После неудачной борьбы с крещением, эсты примирились и с этим несчастьем. Чтобы не раздражать жестоких пришельцев, они добросовестно старались вносить к назначенному сроку церковную десятину и исполнять обряды новой веры. Потом в стране эстов начались работы по постройке каменных замков, церквей и монастырей, и по прокладке дорог. И на эти работы прежние хозяева земли безропотно высылали, по требованию своих победителей, нужное количество подвод и людей. Эсты рубили лес, выворачивали и дробили камни, жгли известь, возили весь этот материал в указанные места; потом по указаниям немецких мастеров строили замки, церкви, дороги и терпели. Народ смотрел на все эти работы, как на временное зло, которое должно скоро кончиться. Многие из народа и не подозревали, что сами они, своими же руками, надолго укрепляют гнезда своих поработителей.

Не лучше, чем во владениях Ордена и епископа, жилось эстам под властью датчан в Харью- и Вирума. Здесь датские бароны совершенно не считались с властью своего короля, который жил вдали от них—в Дании, и безнаказанно своевольничали в своих владениях. Их вассалы, большею частью немцы, во всем подражали своим баронам и угнетали народ. Невежественные священники и монахи помогали им обирать и разорять эстов. Озлобление народа росло с каждым днем и привело, наконец, к кровавому восстанию против—хозяев-мучителей.

22. Большое восстание эстов в 1343 г.

Эсты решили сбросить с себя ненавистное иго угнетателей чужеземцев и тайно готовились к этому. Не уверенные в достаточности одних своих сил, просили они помощи у соседей шведов и русских, а также у враждебных немцам литовцев. В 1343 г. началось восстание. Первыми поднялись эсты в Харьюма, а затем в соседних Роталья и Вирума.

В ночь на весенний Юрьев день в одной из волостей округа вспыхнул пожар; загорелся домик, расположенный на высокому пригорке. Это был условный знак к восстанию. Эсты бросились громить и жечь дома и имущества своих угнетателей. За три дня в нескольких волостях было растерзано до 1800 немцев и датчан, в том числе женщины и дети. Господа с семьями прятались в лесах и болотах; но и там их находили озлобленные мстители. Между прочим восставшие захватили и разграбили один монастырь (Paadise), где перерезали 28 монахов. Затем повстанцы объединяются и выбирают четырех вождей, предоставляя им княжескую власть. Число восставших

растет; их собирается до 10.000. Большую часть этих сил князь ведут под Ревель. Там они разбивают выступивший против них рыцарский отряд и осаждают самый замок. Одновременно осаждается и замок в Гапсале и отправляются послы к шведам и русским с просьбою ускорить свою помощь. В переговорах с первыми повстанцы соглашались даже принять подданство Швеции, если это государство поможет им выгнать из страны немцев и датчан.

Восстание грозило и орденским владениям. Магистр ордена (Бурхард фон Дрейлёвен) поэтому стал действовать решительно, и немедленно же выступил в поход. Его послы заявили эстам, что магистр пришел в их страну только для мирного улажения их спора с датчанами. Вождей восстания рыцари приглашали для переговоров в замок Вейсенштейн, обещая им от имени магистра полную безопасность. Эсты доверились на честное слово рыцарей и поручили своим вождям переговорить с магистром. Все четыре вождя, в сопровождении лишь трех воинов, спокойно отправились в замок. Но вместо мирных переговоров их ожидал в замке строгий суд и короткая расправа.

Магистр сидел в парке замка, вместе с бежавшими из Ревеля епископом округа и комтуром замка, и встретил вождей словами: „Вы разграбили и сожгли в округе дома и имущество господ и перебили много датчан и немцев; вы даже разграбили монастырь, перерезав братьев-монахов; вы—преступники“. Вожди отвечали: „Господа нас слишком угнетали и унижали. Они секли нас без всякой вины, морили голодом и бесконечной работой. Мы не могли дольше терпеть над собою насилий. А монахи виноваты тем, что обманывали народ и держали сторону угнетателей. Мы, эсты, готовы быть твоими подданными, но не можем выносить над собою власти посторонних хозяев“. Магистр заявил на это: „Вы только мятежники и убийцы, и должны быть наказаны“. После этого он отдает приказание взять эстонских вождей под стражу. Эсты напоминают магистру, что они пришли сюда, как послы народа, доверяясь честному слову его рыцарей, и требуют свободного отъезда обратно. На их слова не обращают внимания. Стража их окружает. Тогда один из вождей бросается с голыми руками на комтура. Его рубят в куски; рубят и остальных вождей и их трех воинов.

Так немецкие рыцари выполнили свою клятву о безопасности послов!

В Вейсенштейне магистр собрал значительные силы рыцарей и двинулся отсюда на освобождение Ревеля. Передовые части эстонского войска были окружены немцами и перебиты в числе 1600 человек. Под Ревелем эсты, оставшись без вождей, также потерпели поражение, потеряв до 3000 убитыми. Ревель был освобожден. Шведы опоздали; их флот вошел в ревальскую гавань только через пять дней по вступлении в город немцев. Вскоре были рассеяны и остальные силы повстанцев,

стоявшие под Гапсалем. Карательные отряды прошли по всей стране и перебили еще до 30 тысяч человек.

Сакальцы и угандцы тоже не бездействовали. Им шли на помощь русские и литовцы. Русские уже дошли до Отепя, в ожидании прихода литовцев и соединенных эстонских сил. Но немцы предупредили это соединение и заставили русских отступить. Литовцы дошли только до Валка и, узнав об отступлении русских, отошли обратно за Двину.

Островитяне также не переставали волноваться во все время немецкого владычества. Немцы на острове Сарема были от них в постоянной тревоге. В том же 1343 г. восстание охватило почти весь остров. Как и в Харьюма, повстанцы жгли господские дома и церкви и избивали немцев. Значительная часть последних укрылась в крепости Пыйде. Им было предложено сдаться. Немцы согласились под условием свободного выезда. Условия были приняты. Но по выходе немцев из крепости озлобленная толпа островитян избивала их камнями. В следующем году большие силы орденских рыцарей вступили на Эзель. Островитяне сражались отчаянно. Лучшее вооружение и искусство сражаться дают победу рыцарям. Около 9 тысяч островитян погибают в жарких схватках, защищая свое последнее укрепление. Укрывшиеся в лесах и тем спасшие свою жизнь становятся потом рабами победителей.

25. Положение эстов в XV—XVI вв. Начало и развитие крепостного права.

Большое восстание передало северные округа Эстии в руки ордена. Датский король убедился, что ему не удержать эстов в повиновении своими силами. В 1347 г. он уступил свои эстонские владения ордену (за 19 тысяч серебряных марок). Харью и Вирума теперь переходят под власть ордена.

Но под властью ордена положение эстов не только не улучшается, но напротив даже ухудшается. С подавлением восстания 1343 г. немцы чувствуют себя единственными господами и распорядителями страны, могущими безнаказанно делать все, что хотят. Первым делом они изгоняют с лучших участков земли прежних их владельцев — эстов, и на этих местах устраивают собственные свои имения — мызы. А эсты снова должны расчищать для себя лесные и болотистые дебри. Обязательные для населения работы не только не прекращаются, но и удваиваются. Крестьянин эст принужден теперь работать и в своем, и в мызном хозяйстве. Под угрозой смерти начальники замков приказывают окрестному населению слушаться вассалов и исполнять все работы, которые будут на них возложены. Эсты знают уже по горькому опыту, что угрозы делаются не даром, и — повинуются.

Вассальные же имения-мызы растут и растут с каждым годом. На пригорке красиво виднеется дом самого владельца.

В стороне, за каменной оградой, расположены удобно построенный скотный двор и избы для постоянных работников. Там же, поодаль, находятся разные амбары, сараи и большой овин для сушки и молотбы хлебных снопов. Близ главного дома, но в стороне, располагаются отдельные домики-флигеля для приказчиков и рукодельных мастеров. За ними виднеются заново разделанные сад и огороды. А от владельца по пригорку тянется обширный тенистый парк. Все эти постройки, а также нередко огороды, сад и даже парк, заботливо обнесены каменным или частью деревянным забором, за которым дальше и кругом расстилаются поля и покосы.

Это — немецкая мыза, созданная подневольным трудом эстонского народа по указке хозяина немца. Здесь с раннего утра до поздней ночи шла безостановочная работа десятков и сотен эстонских мужчин, женщин и детей-подростков. Для всех находилась работа: и вся мызная земля обильно поливалась потом порабощенного населения. Этот порабощенный народ жил в стороне от мызы, в своих новых поселках, теснясь в курных избушках и полуземлянках. На барщину, т. е. на обязательные мызные работы, выходили на рассвете. Крестьяне должны были выезжать со своими лошадьми во всей упряжи и со своими же орудиями. Урочных дней не было; работали, пока не выполняли неотложных работ на мызе. В свободное от барщины время, иногда даже по ночам, эсты кое-как обрабатывали свои небольшие участки и жили впроголодь. Церковная десятина отнимала от них последние остатки. Но мызный владелец мало об этом беспокоился. Только в годы неурожая он выдавал своим крестьянам „голодные“ пайки, с неременным однако же условием, вернуть этот долг при урожае.

С каждым годом жизнь эстонского народа становилась все труднее. Наиболее смелые эсты, а иногда и целые их семьи, искали спасения от мызного рабства в бегстве. Бежали — кто куда мог: на монастырские земли, в города, в Финляндию, в Новгород и в Литву. Но против бегства крестьян мызники приняли свои меры. По их жалобам епископы и орден сделали распоряжение ловить и возвращать беглецов. Это распоряжение и было началом прикрепления эстов к земле. Затем мызники уже получают право не только наказывать, но и казнить своих подданных, т. е. крестьян. С этого времени (XV—XVI) эстонский народ совершенно теряет свои человеческие права и становится полным рабом своих владельцев-мызников. Крестьян теперь начинают продавать и покупать, дарить, как вещи, и обменивать на другие предметы наравне со скотом.

Время немецкого владычества было самым тяжелым временем в жизни эстонского народа. Под их владычеством эсты лишились самого лучшего и дорогого счастья жизни — независимости, свободы. Народ изнурился работой, нищал и дичал. Бедность среди крестьян была так велика, что кроме соли и подков они ничего больше не

в состоянии были покупать. А их повелители были убеждены, что только поработенное и голодное население можно удерживать в повиновении. Но гордые завоеватели жестоко ошибались: народ глубоко в душе затаил свою ненависть к поработителям и терпеливо дожидался дня расплаты, сохраняя веру в торжество правды.

24. Введение евангелическо-лютеранского исповедания в крае.

Прошло уже 300 лет, как эстонский народ был покорен немцами и принял крещение от католических священников. За все это время большинство эстов продолжало жить своими старыми языческими верованиями, хотя по принуждению своих господ и исполняло наружно обряды новой веры. Народ по своему приспособил свою старую веру к этим новым обрядам. Вместо жертвоприношений в священных дубравах, стали это делать в католических церквах, обменивая жертвенные предметы на свечи. Зато без всяких перемен сохранилась вера эстов в духов умерших близких и дорогих им людей. Католическая церковь целиком сохранила праздники в память умерших и не мешала народу угощать в эти дни дорогих своих покойников. Впрочем, невежественное духовенство того времени и само придерживалось многих языческих верований. Постепенно народ примирился с новой верой. Но тогда уже католичество само пришло в упадок и скоро потеряло свое значение в Ливонии.

Князья католической церкви, т. е. папы и епископы, вели порочную жизнь, нисколько не заботясь о духовном просвещении подвластных им христиан. Под их дурным управлением католическая церковь все дальше отходила от евангельского учения, заражая своими пороками и суевериями низшее духовенство и народ. Лишь время от времени появлялись благочестивые и смелые люди, которые считали своим призванием обличать неправду. Но князья церкви мало стеснялись со своими обличителями. Этих хороших, благочестивых людей они обыкновенно объявляли еретиками (неправильно верующими) и торжественно сжигали их на кострах.

Много хороших и умных людей погибло под этим именем „еретиков“. Только Мартину Лютеру, сыну немецкого крестьянина-рудокопа, удалось сломить силу порочных князей церкви и произвести церковную реформу *). Лютер выступил по поводу наглой торговли индульгенциями, т. е. квитанциями на отпущение грехов за денежную плату. По этим квитанциям самый черный злодей мог откупиться от своих грехов и от наказания божеского и человеческого. Этого позора католической церкви Лютер уже не мог вынести.

*) Реформа значит—перемена, преобразование, улучшение.

В 1517 г. Лютер выступил против папы и князей церкви, как развратителей верующих людей. Его поддержали горожане, крестьяне и многие светские князья, т. е. герцоги, графы и бароны Германии. Вместе со своим другом, Филиппом Меланхтоном, Лютер составил новые правила христианской веры по евангельскому учению. В этом новом, так назыв., евангелическом исповедании веры Лютер оставил только те правила и порядки, которые подтверждались священным писанием (евангелие и апостольские книги). Все остальное, придуманное князьями церкви, он отбросил.

Ненависть к католической церкви и ее князьям была слишком велика среди народов Западной Европы. Менее чем в десять лет учение Лютера откололо от нее большую половину верующих. Вся северная Германия, Голландия, Дания и Швеция приняли новое учение. Немцы Ливонии также приняли вероучение Лютера.

В 1523 году учение Лютера было принято г. Ригой. Первым проповедником евангелического вероучения здесь был Андрей Кнопкен. Уроженец Риги, Кнопкен получил образование в Германии. Там он сделался большим почитателем Лютера и поспешил вернуться на родину для проповеди нового вероучения. Его лучшим помощником в деле проповеди оказался Сильвестр Тегетмейер, человек очень красноречивый. В несколько недель проповедники привлекли на сторону нового учения и горожан, и рыцарей. С разрешения комтура замка они обратили католические церкви в лютеранские. Монастырь был закрыт, и многие монахи также приняли новое исповедание.

В 1524 г. и Ревель перешел к евангелическому исповеданию. Как и в Риге, население Ревеля было уже подготовлено к перемене вероучения. Здесь выступили с свободной проповедью—монах Юган Ланге и священник Захарий Гассе. Католические церкви одна за другой стали переходить к лютеранам. Ланге был избран старшим пастором.

В том же году и Дерпт принял лютеранское вероучение. Но здесь перемена исповедания вызвала довольно большие беспорядки. Один скорняжный подмастерье, Гофман, особенно горячо возбуждал народ против всего католического. С толпой озлобленных горожан Гофман врывался в церкви, грубо срывал там иконы и другие священные для католиков предметы. Все это выносилось на площадь и сжигалось с проклятиями. Епископ выслал своих рыцарей против озлобленной толпы. В схватке было убито четыре человека из горожан. Волнение после этого еще более усилилось. Тогда в Дерпт для успокоения населения приехал из Риги Тегетмейер. Гофмана удалось отправить за-границу. Беспорядки прекратились, и католические церкви без насилий стали отходить к лютеранским пасторам.

В несколько лет ливонские города и рыцари-мызники перешли к евангелическо-лютеранскому исповеданию. Сельское же

население, т. е. эсты, не имело голоса в делах веры и должно было принять веру своих господ-баронов. Магистром ордена был в то время Вальтер фон - Плеттенберг, человек уже совсем пожилой. За свой ум, справедливость и успешные войны с соседями магистр пользовался большим уважением со стороны горожан, рыцарей и мызников. На своем совещании (съезд в г. Вольмаре в 1525 г.) рыцари-мызники и даже рыцари-братья умоляли Плеттенберга сложить с себя монашеское звание и объявить Ливонию светским герцогством. Престарелый магистр отказался, никому однако же не возражая принимать новое вероучение. Умный магистр был в то же время и умным правителем. На его глазах выросло и усиливалось Московское государство. Московский великий князь, Иван III, уже сделал попытку завладеть частью Ливонии, хотя и неудачно. Но опасность со стороны Москвы продолжала угрожать немцам в стране. В случае объявления Ливонии светским государством она лишилась бы покровительства императора-католика и помощи римского папы. Эти мысли о судьбе немцев в Ливонии и удерживали Плеттенберга от соблазна надеть на свою седую голову герцогскую корону. Горожане все же настояли, чтобы магистр принял их в подданство Ордену. Этим способом города освободились от неприятного им подчинения князьям-епископам. Вскоре вся Ливония становится одним цельным орденом владением.

Евангелическое вероучение предоставляло господствующим классам, т. е. дворянству (мызникам) и горожанам, значительные выгоды. Дворяне-мызники могли теперь увеличивать свои владения за счет церковных земель. Затем, со всего христианского населения снималась, хотя и не надолго, ненавистная церковная десятина. На содержание пасторов и лютеранских церквей стали отводиться участки земель, отобранных от католических монастырей и епископских владений. Особенно большие выгоды от церковной реформы получили горожане. Они избавились не только от десятины, но и от многих пошлин и других налогов в пользу епископов и духовенства. Порабощенные крестьяне тоже ожидали улучшения своей судьбы с переменной вероучения. Первые проповедники обещали им очень многое. Но рыцари-мызники не хотели лишиться даровой рабочей силы своих закрепощенных крестьян. Они сделали все, чтобы сохранить прежние порядки.

В это время в Германии произошло большое восстание крестьян. Во имя евангельской свободы и братства людей крестьяне требовали уничтожения крепостной зависимости; они желали иметь все права свободных христиан. Сам Лютер, опасаясь за дело своей реформы, стал на сторону светских князей и согласился оправдывать несправедливость подневольной жизни для большинства людей. Крестьянское восстание было подавлено рыцарями с большой жестокостью. Попытки восстания делали и эсты в Ливонии, но и здесь это движение было подавлено.

Пасторы-немцы в Ливонии, по примеру Лютера и в угоду мызникам, от которых много зависели, проповедывали порабощенным латышам и эстам спасительность терпения. Измученный народ здесь, на земле, желал хоть какой-нибудь справедливости, а его успокаивали надеждами на блаженство в будущей жизни. Так темные немецкие силы сумели свести „на нет“ хорошее начало церковной реформы с ее проповедью о евангельской свободе и братстве людей.

25. Ливонская война и раздел орденских владений.

Московские великие князья стремились к Балтийскому морю. Это море им было крайне необходимо. Только морской путь позволял Москве расширять свою торговлю и беспрепятственно вести деловые сношения с Западной Европой. Орденские и епископские владения в Ливонии закрывали русским эту дорогу. Попытка Ивана III пробиться к ливонскому побережью окончилась неудачей. Магистр Плеттенберг отразил московские войска. Иван III однако же удержал за собою построенную им против Нарвы крепость Ивангород. Зато через 50 лет более удачно повторил эту попытку царь Иван Грозный. К этому времени военное могущество Ордена заметно ослабело. Наполовину лютеранская Германия уже не высылала Ордену прежнего числа рыцарей католиков. В самих же орденских владениях не могло быть полного согласия между хозяевами католиками (т. е. братьями Ордена) и вассалами лютеранами. Все это было хорошо известно московскому царю, и он считал момент вполне благоприятным, чтобы начать войну с Ливонией. Да Орден и сам давал повод к войне, не желая соблюдать условий мира с Москвою. Еще при Плеттенберге он заключил с московским князем особый договор, неоднократно затем возобновляемый. По этому договору (пересмотренному в 1554 г.) Орден принял на себя следующие обязательства в пользу Москвы:

1) Не препятствовать московским купцам торговать с Ливонией, а чрез нее и с заграницей всеми товарами, за исключением некоторых видов оружия;

2) Сполна уплатить московскому царю недоимки, по выплате условленной дани за минувшие годы и аккуратно вносить условленные суммы за текущее время;

3) Беспрепятственно пропускать в Москву иностранцев, добровольно согласившихся поступить на службу к московскому государю;

4) не оказывать помощи Польше против московского царя.

Приняв на себя эти обязательства, Орден однако же и не думал их исполнять. Он не только не платил Москве условленной дани, но и дерзнул даже (в 1557 г.) заключить с Польшей договор против московского царя. После этого Иван Грозный и решил начать войну с ливонскими немцами.

В 1558 году огромные по тому времени московские войска (до 70.000) вторглись в Ливонию со стороны Пскова и Ивангорода. Значительные силы царя Ивана составляли татары и калмыки. Эти войска опустошали на пути все: от сел, мыз и усадеб оставались только кучи пепла. Мызники спешили укрыться в замках, оставляя крестьян в жертву врагам. Эсты гибли тысячами от неприятельского оружия, от холода и голода. Сотни пленных эстов продавались потом в Пскове, как рабы: женщины по 15 коп., мужчины по 10 коп. Уже через две-три недели московские войска дошли до Сакала. Население в ужасе искало спасения среди лесной глуши. После немецкого завоевания это был первый страшный погром страны эстов.

Немцы не ожидали такого скорого вторжения русских в свои владения. Никаких приготовлений к войне сделано не было, хотя Москва еще за три года перед тем угрожала ливонцам кровавой расправой за невзнос долга. Рыцари спокойно жили в своих замках и поместьях, развлекаясь пирами и охотой. При наступлении русских и татар на Вирума многие рыцари находились на празднике в Ревеле. Известие о вторжении опасных врагов в их владения они встретили смехом. Но вскоре рассказы о страшном погроме заставили их призадуматься. Первое выступление немцев против русских окончилось позорным их бегством (рыцари пугались не только людей, но и кустов).

Магистром Ордена был тогда Фюрстенберг, человек уже старый и неспособный управлять делами в тревожное военное время. Братья-рыцари избрали ему в помощники и заместители фон-Кетлера. Но теперь и молодой, смелый и умный Кетлер уже ничего не мог сделать для спасения Ордена. Дерпт после непродолжительной осады сдался князю Шуйскому и был начисто разграблен победителями. Потом русские забирают у ливонцев один замок за другим (Оберпален, Везенберг и др.). Конные русско-татарские отряды разъезжают близ Риги и Ревеля. Наконец (в 1560 г.) князь Андрей Курбский наносит страшное поражение главным силам Ордена близ Валка и берет в плен орденского маршала (Шаль фон-Белль). В том же году, после 4-хнедельной осады, сдается и самый крепкий замок Ордена Феллин вместе с прежним магистром (Фюртенбергом). Знатные пленники отправлены в Москву, где и содержатся в почетном плену, кроме маршала (фон-Белля), казненного жестоким царем за его преданность Ордену. Все замки, за исключением Риги, Пернова и Ревеля, заняты русскими. Орденские силы почти уничтожены. Еще недавно могущественный Орден находился теперь на краю своей гибели.

Но немцы сделали все, чтобы спасти свое положение. Курляндский и эзельский епископ продал свои земли (остров Эзель, округ Пильтен в Курляндии и др.) датскому королю, рассчитывая на его помощь. Дворяне — хозяева северной Эстии обратились к шведскому королю, Эриху XIV, с просьбою

взять их под свое покровительство. Эрх согласился и прислал в Ревель наместника вместе с значительным отрядом шведского войска. Переговоры честолюбивого Кетлера с Польшей тоже закончились очень удачно для самого магистра. За уступку Польше большей половины Ливонии польский король признал фон-Кетлера герцогом Курляндии и своим вассалом. Город Рига выговорил себе при этом права самостоятельного управления.

Все это произошло очень быстро в 1561 году, почему год этот и считается концом орденового владычества и раздела его владений. Последний магистр Ордена фон-Кетлер принял лютеранство и сделался первым герцогом Курляндским, хотя и в зависимости от Польши. Северная Эстия, т. е. округа: Роталия, Харью-, Ярва- и Вирума вошла в состав Швеции, Лифляндия, или бывшие земли ливов и латышей и часть Сакала, отходила к Польше. Русские удержали за собою занятый ими округ Уганди с городом Дерптом во главе и некоторые другие земли. Дания владела островом Эзелем и округом Пильтен в Курляндии, а Рига считалась самостоятельной республикой. Таким образом, орденовые владения распались на шесть частей. Правда, главные владельцы этих отдельных частей не могли ими довольствоваться и стремились завладеть всей страной. Особенно упорно добивались этого московский царь и польский король.

Война за ливонское наследство продолжалась еще двадцать лет. За это время Ливония, по воле московского царя, была даже сделана королевством. Датский принц Магнус, для которого и были куплены остров Эзель и округ Пильтен, рассчитывал утвердиться и в Ревеле. Но ему перебил дорогу шведский король. Тогда принц переходит на сторону московского царя. Иван Грозный выдает за него замуж свою племянницу и затем объявляет принца Магнуса королем Ливонии, поручая ему завоевать свое королевство. Эта мысль царя понравилась многим рыцарям, и они признали принца своим королем. Магнус назначил временной столицей королевства замок Оберпален, где и поселился, собирая верных себе рыцарей. Здесь он терпел со своей юной королевой всякие невзгоды и даже голод. Коварный московский царь жестоко обманул своего зятя. Царю важно было приманить к себе датского принца, чтобы ослабить силы своих противников. Магнус, наконец, понял это и перешел на сторону польского короля. Впоследствии этот первый и последний король Ливонии поселился в Пильтене, где и умер, оставленный и забытый почти всеми. Единственная память о нем сохранилась в Арнсбурге (на Эзеле), который получил от короля Магнуса права города.

Москва, Польша и Швеция продолжали еще ожесточенно между собою бороться. Страна все больше опустошалась и разорялась. Наконец Швеция и Польша решили временно

примириться, чтобы сломить упорство Москвы. Они соединили свои силы и выбили русских из Ливонии. Бедственная для края Ливонская война окончилась в 1582 году (Запольский мир). Шведы удержали за собою северную Эстию; к полякам отошли остальные земли, кроме Эзеля и Курляндии.

V. Время шведских войн и шведского управления.

26. Положение эстонского народа после войны.

Ливонская война страшно разорила весь край. Города, замки, мызы и селения были обращены в груды развалин и кучи пепла. Десятки тысяч эстов погибли от голода или при самообороне от врагов. Тысячи молодых и здоровых людей были взяты в плен и увезены рабами далеко за пределы родной страны. Оставшиеся в живых, как дикие звери, прятались среди лесов и болот своей родины, терпели всякия лишения и дичали все больше. Но кончилась война, и измученное население могло вздохнуть с облегчением. Правда, положение эстонского народа не везде стало одинаковым. Лучше всего устроились крестьяне-эсты на Эзеле; значительно тяжелей жилось эстам под владычеством Польши и Швеции.

Остров Эзель очень мало пострадал во время войны, а затем и датские короли старались сделать для населения кой-какие облегчения, чтобы сильнее привязать его к себе. Напр., работы крестьян на землевладельцев-дворян были ограничены тремя днями в неделю. Этими заботами о населении датские короли как бы старались загладить память о времени дурного датского управления островами и северной Эстией после Вольдемара II (с 1220 г. по 1347 г.).

Северная Эestia была опустошена русским нашествием. Здесь почти одинаково пострадали и крестьяне эсты, и немцы помещики. Но общее бедствие не изменило грубых баронов: они по-прежнему смотрели на себя, как на избранных Богом благородных господ. Отдаваясь под власть шведского короля (Эриха XIV), немцы выговорили себе все прежние свои права на крепостной народ. Однако же такой порядок не мог продолжаться долго. Шведский король, прежде всего, был королем свободных шведских крестьян, составлявших в государственном сейме (собрании) сильную партию; он не смел, поэтому, допускать угнетения крестьян и в своих новых владениях. Первым делом, король и потребовал от баронов в Эстии, чтобы они прекратили наказывать крестьян розгами. Но немцы остались при своем. В оправдание они говорили, что

полудикие эсты сами предпочитают розги, чтобы „не быть повешенными“. Шведские губернаторы, несмотря на строгий королевский указ, были бессильны бороться с грубыми привычками немецких баронов. Крестьяне эсты оставались, таким образом, прежними бессловесными рабами своих господ. Зато во время неприятельских нашествий они жестоко мстили немцам за свои обиды.

Кратковременная польская власть над Ливонией тоже не могла дать сколько-нибудь заметных облегчений измученному народу. Война в округах Уганди и Сакала против русских не прекращалась свыше 20 лет. Часть населения этих округов погибла; другая—влачила жалкое существование. Польские короли, Сигизмунд II Август, Стефан Баторий и Сигизмунд III, всеми мерами старались облегчить бедственное положение эстов и латышей. Но напрасно обращались они к великодушию и благородству немецких дворян,—бароны и слышать не хотели ни о каких уступках в пользу крестьян. Добровольно отдав себя под защиту Польши, они по прежнему считали себя единственными хозяевами и господами края. И под польским владычеством немецкое дворянство удержало за собой право обсуждать в своем ландтаге (дворянское собрание) все важнейшие дела страны. Таким образом, распоряжения польских королей в пользу обездоленного населения разбивались об их упорное сопротивление.

Между тем еще Сигизмунд II Август, вскоре после раздела орденских земель, подчинил Ливонию верховному управлению своего наместника и постепенно стал вводить в стране литовско-польские законы и порядки. В то время законы и суды Литвы и Польши отличались сравнительной мягкостью и справедливостью, и крестьяне могли пользоваться их защитой в случае притеснений со стороны помещиков. Стефан Баторий, по заключении мира с русскими (Запольский мир 1582 г.), распространил все эти порядки и на эстонские округа—Уганди и Сакала. В том же году король Стефан посетил Ригу, также признавшую над собой его власть. Там он призвал к себе выборных от местных крестьян и долго с ними беседовал. Он говорил крестьянам, что их бедствия причиняют его сердцу много горя, и что он, король, намерен освободить всех крестьян от тяжелой крепостной зависимости. На первое же время король обещал снять с крестьян позорные телесные наказания за проступки, заменив розги и плеть денежными штрафами и тюремным заключением.

Уже в следующем (1583) году король писал в рижский ландтаг: „До нас дошло, что крестьяне в Лифляндии до сих пор несут непосильно тяжкое бремя. Поэтому мы считаем необходимым, чтоб был издан закон об улучшении их положения“. Бароны, конечно, пропустили мимо ушей это королевское пожелание. Но через три года король сделал им новое напоминание. По его поручению в ландтаге (1586 г.) выступил один из уездных начальни-

ков (староста Пекославский) с такими словами: „Нигде в мире, даже у диких народов, господа страны не мучают и не обременяют своих крестьян таким непосильным рабством и штрафами, как в Ливонии. Обязанность короля—заботиться о простых подданных столько же, сколько и о знатных; поэтому он требует, чтоб господа бароны подчинились законам государства и не требовали от своих крестьян больше того, что принято в Литве и Польше“. Но немцы и теперь уклонились от исполнения воли короля, тем более, что Стефан Баторий неожиданно скончался.

Одинаково безуспешны в этом же деле были и попытки Сигизмунда III. Только в своих королевских владениях ему удалось отчасти провести кой-какие полезные для крестьян распоряжения. Он, напр., определил количество обязательных для крестьян работ на мызах и разрешил им продавать в городах, помимо своих господ, излишки продуктов и на вырученные деньги покупать для себя все нужное. Зато предложение короля—дозволять крестьянским детям, свободным от работ, посещать школы и обучаться ремеслам—бароны решительно отвергли.

Таким образом, за все время польского владычества в Ливонии между королями и немцами-баронами шла глухая и упорная борьба. Это была первая борьба с немецким засилием в крае, которая постепенно вела латышей и эстов к облегчению их положения. Немцы ясно видели грозившую им опасность и всеми способами старались удержать в своих руках власть над страной. Во время войн немецкие бароны тайно, а иногда и открыто, помогали врагам Польши. Правда, такое вероломство стоило им недешево: от изменников обыкновенно отнимались имения. Отобранные поместья короли оставляли за собой или же передавали во владение литовско-польскому дворянству, как вознаграждение за их службу.

Особенно много имений было отобрано у баронов Стефаном Баторием. Зато немцы и ненавидели этого короля, и старались мстить ему всевозможными способами. Они умышленно разжигали вражду к Польше и ее королю даже среди простого народа, возбуждая религиозные споры и распри. Считая лютеранство единственным законным вероисповеданием для страны, они упорно отказывали королю в его требовании предоставить католикам в Риге хотя бы одну только церковь. Стефан Баторий однако же настоял, и немцы должны были уступить. В конце концов они согласились и с назначением для Ливонии католического епископа (местопребывание в Вендене), и с открытием в Риге и Дерпте католических колледжей (гимназий); но открытие в Риге католической академии и принятию нового календаря, введенного папой Григорием XIII, немцы решительно воспротивились. По поводу нового календаря в Риге вспыхнули даже довольно крупные беспорядки. Толпа, настроенная несколькими главарями (Гизе и др.), растерзала двух преданных королю городских советников. Рижане не только не выдали главарей

мятежа, а, наоборот, поспешили отправить их в Швецию с серьезными поручениями. Эти послы должны были выразить перед шведским правительством готовность рижан перейти в подданство Швеции и просить помощи против Батория.

Упорство, вероломство и измены немцев настолько возмутили Ст. Батория, что он уже составил план — изгнать всех немцев из Ливонии обратно за море. Измена рижан переполнила чашу терпения, и он решил лишить город всех его привилегий. По распоряжению короля к Риге стягивались большие силы литовско-польских войск. Никогда еще немцы не переживали таких страшных для себя минут, как теперь. Но к великой радости всех немцев, в Ливонию приходит известие, что Баторий скончался. Потом говорили, что он был отравлен одним из придворных своих врачей.

Преемник Стефана, Сигизмунд III, заставил Ригу покориться и выдать главарей мятежа; они были казнены. Но глухая борьба между немцами и королем не прекращалась. Она закончилась, наконец, рядом новых измен со стороны баронов и полным отпадением Ливонии от Польши и ее короля Сигизмунда III.

27. Завоевание Ливонии шведами и шведские реформы.

Сигизмунд был сын и наследник шведского короля Иоанна III, брата Эриха XIV. Воспитанный своею матерью, польской принцессой, в правилах католической веры, он на всю жизнь сохранил преданность католицизму. По смерти Стефана Батория он был избран польским королем и вступил на польский трон под именем Сигизмунда III. Но Сигизмунд — король продолжал еще оставаться и наследником шведской короны. Опасаясь доверять королевскую власть ревностному католику, шведы протестанты после некоторых колебаний решили признать своим королем его дядю, строгого лютеранина Карла IX (в 1598 г.). Сигизмунд не пожелал уступить шведскую корону дяде и объявил ему войну.

И эта война происходила все в той же несчастной Ливонии. Немецкие бароны не замедлили перейти на сторону шведов, надеясь получить от единоверцев защиту своих нарушенных интересов. Страна снова переживала все ужасы войны. А небывало холодная зима и затем неурожайное лето (1601 г.) еще более увеличили бедствия населения. Перевес борьбы оказался на стороне шведов; но все же Карлу IX не удалось вытеснить поляков из Ливонии. Это сделал уже сын его, знаменитый Густав-Адольф.

Этот король был замечательно предприимчивый, способный и — по тому времени — прекрасно образованный человек. Ему пришлось воевать и с русскими, и с поляками, с датчанами и

даже с немцами. Повсюду способный и счастливый король — полководец выходил победителем. С небольшим 20-тысячным войском, но при содействии передавшихся ему немецких баронов, Густав-Адольф в 8 лет завоевал всю Ливонию, заставив поляков отказаться от этой страны (мир в Альтморке 1629 г.).

По праву завоевателя Густав-Адольф стал вводить в Ливонии шведские порядки. Он подтвердил все права горожан и даже предоставил им новые льготы. Лютеранское вероисповедание он объявил государственной религией и потребовал, чтоб все иезуиты без всякого промедления оставили страну. От большинства польских дворян король приказал отобрать имения, поставив им в вину участие в войне против шведов. Эти имения перешли потом во владение его шведских подданных и немецких баронов, оказавших королю услуги во время борьбы с Польшей. Затем Густав-Адольф приноровил судопроизводство в стране к шведским порядкам и объявил крестьянам, что они могут жаловаться на притеснения и несправедливости своих господ. Судьями, по избранию баронов, назначались, конечно, те же немцы, но за правильностью и беспристрастием их судебных решений должны были следить шведские губернаторы. Улучшение судьбы поработанных немцами эстов и латышей вообще беспокоило Густава-Адольфа, и он намерен был внести большие перемены в их жизнь; но ранняя смерть на поле битвы помешала ему осуществить эти намерения.

Еще отец его, Карл IX, пробовал убеждать немецких баронов, чтоб они облегчили жизнь своих подданных, т. е. крестьян. Он советовал баронам открывать для крестьянских детей школы и давать свободу получившим образование эстам и латышам. Бароны, по обыкновению, пропускали мимо ушей все разумные предложения короля. Но одно из пожеланий Карла IX они стали исполнять с особенной готовностью. Это было пожелание короля — устраивать на больших дорогах постоянные дворы для обозников и путников. Немцы охотно строили такие дворы, открывая в них торговлю водкой и пивом. Наскоро сколоченные дворы-кабачки располагались на расстоянии 3—4 верст друг от друга, а близ приходских церквей даже по два и почти рядом. Кабачки осаждались несчастным измученным народом днем и ночью; зато бароны получали от них хорошие доходы.

В общем, переход Ливонии под власть шведских королей вполне сохранил за немцами их господствующее положение в крае. Произведенные Густавом-Адольфом перемены в управлении страной на шведский лад несколько не затронули их интересов: крестьянской же реформы король провести не успел. Вот почему все немцы с такой любовью вспоминают время Густава-Адольфа. Особенно же благодарную память питают к этому королю немецкие пасторы за его покровительство лютеранской церкви. Они с гордостью отмечают, что Густав-Адольф возложил на них заботы об искорене-

нии в стране обрядов и суеверий язычества и что им же вменил в обязанность обучать крестьянских детей первоначальной грамоте.

Открытые по приказанию Густава-Адольфа гимназии— в Дерпте и Ревеле (1630 и 1631 г.г.) и Дерптский университет (1632 г.) составляют несомненную его заслугу перед немцами. Но открытие этих учебных заведений шведским королем только лишний раз подчеркивает, как низко стояли тогда в своем умственном развитии прибалтийские немцы.

Для коренного местного населения, т. е. для латышей и эстов, эти рассадники просвещения до последних лет значения не имели: и в гимназиях, и в университете обучались только дети немцев и шведов.

28. Книжное и школьное просвещение среди эстов.

Триста лет уже эстонский народ находился под властью немцев, и за это время для порабощенного народа не было написано ни одной книги на его родном языке. Только в год реформы Лютера (1517 г.) эзельский епископ напечатал католический катехизис*) на эстонском языке; потом, через 35 лет, появился и лютеранский печатный катехизис. Еще 80 лет спустя (в 1632 г.), была напечатана на эстонском же (ломаном на немецкий лад) языке и книга пастора Штала под названием „Käsi- ja koduraamat“. Но все эти книги предназначались не для народа, а для патеров и пасторов, невладевших народной речью. По этим книгам церковные пастыри должны были назидать эстов не столько в правилах веры, сколько в послушании и добронравии в отношении своих господ,—немецких баронов. Ясно, что немцам были нужны только земли и безропотные рабы, а не образование и действительное просвещение подвластного им населения.

Школы, открытые немцами в городах, не были доступны для эстонского народа. В прежних католических школах преподавание велось на латинском языке, а в позднейших лютеранских—на немецком. В них могли получать образование только немцы, а также и дети онемечившихся богатых ремесленников из латышей и эстов (хотя таких было очень немного). Но эсты и латыши, крестьяне, как крепостные рабы баронов, ни в каком случае не допускались в эти школы. Тогда не только образование, но и простая грамотность считалась немцами ненужной и вредной роскошью для крепостных людей.

*) Катехизис — изложение правил веры и христианского поведения в форме вопросов и ответов.

Зачатки школьного образования для крестьян эстов были положены Густавом-Адольфом. Этим делом, по указу короля, должны были заняться пасторы в своих приходах. Но до 1684 г. школы для эстонских детей развивались очень слабо. Пасторы были заняты другими приходскими делами, или же плохо знали эстонский язык, а кистеры оказывались недостаточно подготовленными для учительской работы. Для школьного образования эстов значительно больше удалось сделать Готфриду Форзелиусу. Форзелиус был местным уроженцем и хорошо владел эстонской речью. Он составил (в 1685 г.) азбуку эстонского языка, а затем и несколько учебных книг для своих учеников. Разработав план подготовки учителей для эстонских школ, Форзелиус просил рижского суперинтендента (старший пастор) ходатайствовать перед шведским правительством об открытии учительской школы. Король Карл XI одобрил план Форзелиуса и приказал в 1684 г. отвести для его школы, так называемую, „Епископскую мызу“ близ Дерпта.

Форзелиус горячо принялся за это новое для него дело. Но в первое время ему приходилось выпрашивать у родителей их детей для своей школы. Только потом уже король приказал (особым указом) брать в семинарию наиболее способных мальчиков. На содержание учеников и их единственного учителя, Форзелиуса, шведское правительство выдавало из своих складов хлеб и продовольствие. Обучение продолжалось два года. Форзелиус преподавал будущим народным учителям правила эстонского языка, катехизис, священное писание, пение хоралов и арифметику; обучал их также немецкому языку и переплету книг. После двухлетней подготовки Форзелиус устраивал молодых учителей на места, преимущественно в приходах своих друзей пасторов. Для крестьянских школ в первое время отводились риги или другие свободные на зиму помещения; но дело от этого не страдало. Юноши-учителя так же горячо отдавались своей работе, как и их любимый наставник. Эти первые школьные учителя продовольствовались за счет пасторов; на лето они возвращались к своим родителям для полевых работ.

Но у Форзелиуса были опасные враги. Этими врагами оказывались, главным образом, немецкие бароны, противники образования народа. По их мнению—эстонский мужик грубее и глупее скота и не способен научиться ничему хорошему. Они доносили шведским властям, что крестьянские школы только развращают молодежь, приучают их к лени, воспитывают в них недовольство своим положением и т. д. Форзелиус не упал духом и решил обратиться к самому королю, чтобы рассеять все вздорные обвинения против его школ. Вместе с двумя учениками он едет в Стокгольм и просит короля проверить знания и развитее своих мальчиков. Карл XI, этот муж и цик и король, как прозвали его шведские дворяне, лично производит экзамен мальчикам и вполне убеждается в успешной и честной работе их наставника. Он благодарит безкорыстного тружен-

ника, обещая ему свою защиту, а мальчикам дарит на память по золотому дукату. Форзелиус счастлив, потому что противники образования народа устыжены самим королем: дети эстов оказались вполне способными научиться всему, чему учатся и дети немцев. Теперь он твердо верит, что уже недалеко то время, когда все эсты будут грамотны. К сожалению, просветительная работа Форзелиуса продолжалась только 4 года. В 1688 г. этот безкорыстный деятель школьного просвещения народа погиб при крушении корабля, когда возвращался из своей второй поездки в Стокгольм.

Дело Форзелиуса не заглохло. Благодаря поддержке шведского правительства, ученики его продолжали свою просветительную работу. Правда, начавшаяся вскоре опустошительная Великая Северная война приостановила и надолго задержала дело народного образования в Эстонии.

29. Заботы Карла XI об улучшении хозяйственной жизни крестьян.

После смерти Густава-Адольфа Швецией свыше 30-ти лет управляла его дочь, Христина. Это была очень честолюбивая и расточительная женщина, думавшая только о своих удовольствиях. В ее царствование ливонские бароны и мызники обратили в полную свою собственность и те поместья, которые они получили от шведских королей, как их вассалы. Они без труда получили согласие легкомысленной королевы на освобождение их имений от всяких государственных налогов. Такой щедрой королевской милостью Христина думала привязать к себе ливонское дворянство. Но ее неразумная милость лишала королевскую казну доходов, необходимых для нужд государства. Раздражение подданных против расточительной королевы сделалось так велико, что Христина должна была отказаться от престола в пользу своего племянника, Карла X (в 1654 г.).

При Карле X Ливония снова пережила неприятельское нашествие. Польша все еще не хотела отказаться от Ливонии, и польский король, после отречения Христины, заявил свои права на шведскую корону. Карл X оказался отличным полководцем. Он не только отстоял свои личные права, а даже в три месяца завоевал почти всю Польшу. Но в это время московский царь, Алексей Михайлович, по просьбе польского короля двинул огромное войско (120 тысяч) в Литву и Ливонию, занял Дерпт и осадил Ригу. Южные округа Эстии целых пять лет оставались под властью Москвы. Карл X умер во время этой войны, а опекуны его пятилетнего сына и наследника, Карла XI, сумели заключить выгодный для Швеции мир: русские очистили и Дерпт, и всю Ливонию.

Достигнув совершеннолетия, Карл XI, обратил свои заботы, согласно с пожеланиями сильной в шведском сейме крестьянской партии, на улучшение жизни трудового народа во владениях Швеции. Молодой король твердо решил лишить дворянство во всех своих владениях их незаконных привилегий, а сверх того отобрать у них и те земли, которые они захватили по милости королевы Христины.

Ливонские дворяне при Христине снова успели сделаться полными господами своих владений, а короли почти теряли право покровительствовать населению. Все это было и неразумно, и несправедливо. Но молодой король положил конец такому беспорядку.

По его указу королевские чиновники сделали особую перепись всех дворянских имений как в Ливонии, так равно и в других шведских владениях. Чиновники должны были точно указывать, какие из этих имений принадлежали владельцам, т. е. их прямым предкам, до 1561 г., и какие они приобрели после этого года (1561 г. — время раздела Ливонского наследства). По этой переписи оказалось, что в Лифляндии только $\frac{1}{6}$ всех имений перешла к владельцам по законному наследству; остальные $\frac{5}{6}$ владений были приобретены ими, как вассальные земли, или даже и неизвестными способами. В Эстляндии законных владений оказалось больше: $\frac{3}{5}$ законных на $\frac{2}{5}$ незаконных. Указом короля все имения, приобретенные владельцами после 1561 г., объявлялись собственностью королевства. Это распоряжение известно под именем редукции имений, т. е. возврата казне вассальных и выморочных земель (1687 г.). Одни из этих имений были оставлены за прежними владельцами, если те соглашались вносить в казну установленную арендную плату; другие передавались в аренду новым лицам.

Все земли, как казенные, так равно и дворянские и даже крестьянские, были точно обмерены, расценены и записаны в особые хозяйственные книги — ва к е н б у х и, или ва к и г а а т а т. В этих же книгах подробно перечислялись и размеры предельных работ, какие крестьяне обязаны были выполнять на мызах помещиков и арендаторов казенных имений. В случаях нарушения условий вакенбухов со стороны землевладельцев, крестьяне могли жаловаться на них в суд. Все эти меры Карла XI были наилучшим средством защиты крепостного населения от дворянского своеволия. Дворяне, конечно, страшно возмущались поведением Карла XI; но эсты и латыши благословляли доброго короля и свою судьбу.

Теперь хозяйственная жизнь эстонского народа могла бы идти более правильным путем. Народ и чувствовал, и видел, что шведское правительство твердо отстаивает их, крестьянские интересы. К сожалению, вакенбухи не успели войти в силу. При их введении в конце царствования Карла XI, в стране свирепствовал небывалый голод. Неурожай продолжался подряд три года (с 1695 по 1698 г.). Запасов хлеба в стране не было. Голод

и болезни уносили десятки тысяч людей. Питались чем попало; убивали даже детей и дорожных путников. Такого страшного голода страна не переживала в мирное время ни прежде, ни впоследствии. А через два года над страной разразилось еще более страшное несчастье: это была Великая Северная война, уничтожавшая все полезные для эстов нововведения шведских королей.

30. Великая северная война и ее виновники.

Немецкие дворяне землевладельцы считали себя жестоко обиженными Карлом XI, который отобрал в казну большую часть их имений и стеснил их власть над народом. Дворяне не раз потом обсуждали все эти неприятные для них распоряжения короля и писали ему отдельные просьбы о предоставлении им прежних привилегий. Но они не получали ответа на свои жалобы. Тогда мызники решили написать одно, общее для всех заявление (протест) и передать его лично королю через своих уполномоченных. Главным составителем заявления был лифляндский дворянин, Рейнгольд Паткуль. Он же с несколькими другими лицами и отвез письменную жалобу королю в Стокгольм. В этом дворянском заявлении перечислялись все обиды, нанесенные шведским правительством ливонским помещикам; в нем высказались даже и возможные неприятности для королевства из-за отобрания дворянских имений. Жалоба была написана в самых почтительных выражениях, но в ней дворяне выражали осуждение королевским распоряжениям, сделанным для пользы государства и народа, а главное—намеками угрожали королю и спокойствию государства. Карл XI все это хорошо понял, когда прочитал дворянскую жалобу. Он немедленно же приказал предать суду подателей заявления и судить их, как мятежников. Но Паткуль скрылся от суда и бежал за-границу. С этих пор он сделался заклятым врагом Швеции и ее короля.

Озлобленный Паткуль поклялся жестоко отомстить „мужицкому королю“ и вернуть ливонскому дворянству его привилегии. При его содействии был составлен план вооружить против Швеции ее соседей: Москву, Польшу и Данию. При денежной поддержке лифляндских дворян Паткуль без труда склонил на свою сторону польских панов и их короля, Августа II. По плану Паткуля—поляки должны были вернуть себе Лифляндию и захватить Эстию; Московскому царю было обещано побережье Финского залива (Ингрия), отнятое у Москвы Густавом-Адольфом, и часть Карелии, т. е. область вокруг Ладожского озера; Дания же могла захватить соседния герцогства, подвластные Швеции.—Этот план особенно нравился польским панам и их королю—Августу. Вскоре Паткулю удалось привлечь к союзу датского короля (Фридрих IV) и московского царя Петра I. Царь Петр, занятый в то время мыслями о преобразованиях и сближении русских с западными образованными

народами, охотно присоединился к союзу. Берега Финского залива были его заветной мечтой, так как открывали русским окно в Европу. Союзники решили одновременно с трех сторон напасть на владения Швеции и захватить намеченные им по плану захвата области. Так началась в 1700 г. Великая Северная война, принесшая эстонскому народу новые тяжелые испытания.

Обстоятельства, казалось, благоприятствовали союзникам. В это время на шведский престол только что вступил Карл XII, сын Карла XI. Это был 18-ти летний юноша, легкомысленно-беззаботный, упрямый и самонадеянный, проводивший все время на коне и на охоте. Молодой и беззаботный король не внушал никакого почтения ни самим шведам, ни их врагам. Но и подданные, и враги ошиблись в юноше короле. Карл XII оказался очень решительным и безумно-смелым полководцем. С небольшим флотом Карл неожиданно подошел к Копенгагену и быстрым натиском заставил бежать датские войска. Уже через две недели после этого датский король принужден был подписать мир, отказавшись от союза с Москвой и Польшей. А юный король-полководец с 8-ью тысячами шведов спешит на выручку Нарвы, осажденной 40-тысячным русским войском. Таким же решительным и смелым натиском, как и под Копенгагеном, Карл бросается на укрепленный лагерь русских. Наскоро собранные Петром полки новобранцев бегут в беспорядке, бросая оружие и тысячами погибая при переправе через Нарову.

Считая московского царя выбитым из строя, Карл бросается на третьего своего врага, короля польского. Но эта борьба с Августом II затянулась на шесть лет и погубила все успехи короля. Карл увяз в Польше, как шутливо заметил об этом царь Петр. Напрасно шведские генералы умоляли своего короля оставить Августа в покое и вернуться в Ливонию. Упрямый и самолюбивый Карл не успокоился до тех пор, пока не вынудил своего врага отказаться от польской короны. Август II должен был выдать своему победителю и главного виновника войны, Рейнгольда Паткуля, которого Карл приказал потом колесовать, как государственного изменника. Между тем упрямство и самолюбие шведского короля было причиной страшного опустошения эстонского края войсками московского царя.

После нарвского поражения царь Петр приказал набирать и обучать новые полки. Под командой генерала Шереметева дикая конница, наскоро составленная из казаков, татар и башкир, вторглась в ливонские земли и произвела здесь опустошительный разгром. Широкая полоса от Наровы до Тапса и Валка была разорена начисто. Эсты снова пережили все ужасы войны Ивана Грозного. О своих подвигах Шереметев доносил царю Петру в таких словах: „Во вражеской стране

нечего больше разорять, потому что все уничтожено. Всех, кого не могли взять с собой, убивали на месте. Перебитых вдвое больше, чем пленных“.

Опустошение вражеской страны было в обычае того времени, так как ослабляло силы противника. Вот почему до Полтавской победы (27 июня 1709 г.) царь Петр довольствовался только разорением ливонского края. Он уже приобрел побережье Финского залива (Ингрию), где и утвердился довольно прочно. Заложенные им в 1703 г. город С.-Петербург, при устье Невы и морская крепость Кронштадт, на острове Котлине, радовали сердце царя-плотника, как заветные окна в Европу. О других завоеваниях царь пока и не мечтал, довольствуясь на первых порах тем, что считал законным наследством от своих предков. Но Полтавская победа над Карлом XII изменила намерения Петра. Спорное „Ливонское наследство“ стало соблазнять счастливого победителя. Польша, к которой по союзному договору должен был отойти ливонский край, ровно ничего не сделала для его завоевания. Между тем русские войска шесть лет помогали полякам в их борьбе со шведами. За оказанную Польше помощь и за услуги Августу II, снова получившему польскую корону, Петр и решил завладеть всей Ливонией.

В это время в руках шведов оставались только три укрепленных ливонских города: Рига, Пернов и Ревель. В 1710 г. Шереметев осадил Ригу, а генерал Бауэр — Ревель. Голод и болезни, как спутники всякой войны, свирепствовали по всей стране. После 4-х месячной осады сдалась Рига; за нею — Пернов и Ревель. Немецкое дворянство деятельно помогало русским войскам, особенно при взятии Ревеля. Царь предоставил сдавшимся городам все их прежние льготы, т. е. самоуправление и немецкий язык. Царь Петр был большой сторонник развития городской торгово-промышленной жизни в своем государстве. Ливонские города должны были, по его мнению, сделаться образцами торгово-промышленных городов новой России. Этим и объясняется милостивое отношение сурового царя к горожанам, осмелившимся упорно защищать себя и шведов.

Великая Северная война продолжалась еще 11 лет (до Ништадтского мира в 1721 г.). Но война шла уже в стороне от Ливонии и мало ее затрагивала. Зато эстонский народ на целых 200 лет закрепляется теперь в русском подданстве и на 150 лет остается еще под властью немцев.

VI. Время русского подданства.

30. Жизнь в Прибалтийском крае после Северной войны.

Шереметев доносил царю чистую правду: в стране действительно нечего было больше разорять, потому что все было уничтожено. Такого страшного разгрома Прибалтийский край не переживал еще никогда. Остатки населения, укрывшиеся среди болот и лесов своей родины и уцелевшие от ножей дикой шереметевской конницы, терпели всякие лишения. Болезни, как неизбежные спутники войны и голода, довершали их бедствия. Особенно много людей погибло от чумы, занесенной сюда из Польши и Пруссии (в 1710 г.) Несмотря на принятые меры (окуривание можжевельником и опрыскивание уксусом жилых помещений), в одном только Ревеле чума унесла в могилы до 18 тысяч человек. Целые волости обезлюдели. Трупы умерших оставались неубранными, потому что некому было их хоронить, и поедались собаками и волками. Живых людей оставалось так мало, что прохожие от радости целовали встречавшиеся им на пути свежие следы человеческих ног.

От большинства городов в Эстии (Феллин, Дерпт, Оберпален, Везенберг и др.) остались одни лишь груды пепла. Население их было перебито или уведено в плен. Вернувшаяся после войны кучка жителей ютилась на их развалинах в жалких курных избушках, крытых соломой. Каменные дома снова стали появляться в этих городах не ранее как через 20—30 лет после разгрома. Правильная торгово-промышленная жизнь налаживалась в них долго и медленно.

Положение крестьянского населения стало теперь невозможно тяжелым. Вернувшись на старые свои пепелища, крестьяне-эсты снова сделались полными рабами помещиков-немцев. Их подневольный труд увеличился против прежнего вдвое и втрое, потому что за время войны и чумы число работников-крестьян уменьшилось вдесятеро. Крестьяне голодали и жили в шалашах, землянках и хлевах, вместе со скотом. Нищенство росло с каждым годом. Среди нищих на больших дорогах нередко встречались и осиротевшие дети местных дворян. Между тем царское правительство чуть не ежегодно забирало у населения на нужды войны часть хлеба, скота и лошадей.

Впрочем, невыносимо тяжело жилось в это время не одним только прибалтийцам. Коренной русский народ, крепостные крестьяне, тоже жестоко страдал от этой войны, проклиная ее виновников, в том числе и царя Петра. Постоянные рекрутские наборы, огромные подати, принудительные работы и отбирание хлеба, рабочих лошадей и скота — разоряли всех.

По своим привычкам царь Петр был не лучше и не хуже большинства людей своего времени; но он много превосходил их своим умом и пониманием обязанностей по управлению страной. Царь искренно желал счастья своему государству и тем народам, которые составляли части России. Он отлично понимал, что вдруг и сразу ничто хорошее не делается, что необходимо время и упорная работа всех для общего благополучия. Личным своим примером Петр и старался показывать всем, как и для чего надо работать. Война и управление обширной страной требовали огромных расходов. Народ был переобременен налогами, и платить жалованье чиновникам было не из чего. Ради экономии царь и возложил большую часть чиновничьих обязанностей на землевладельцев-помещиков. Зато крестьяне по прежнему должны были работать на служилых помещиков, подчиняясь их суду и распоряжениям. По плану Петра — все должны были работать, каждый, по возможности, в том деле, к которому подготовлен или привык. Лично царь не делал разницы между дворянами и недворянами; он ценил только способности и работу людей. Петр прекрасно понимал, что сразу и вдруг не уничтожишь предрассудков; что только школьное образование да общая работа сгладят со временем различие между людьми.

Но со смертью Петра все его добрые начинания надолго остановились. В течение 70-ти лет царская власть в России находилась в руках женщин (Екатерины I, Анны, Анны Леопольдовны, Елизаветы и Екатерины II). Все это были ставленницы дворянско-гвардейских полков; поэтому, для сохранения своей власти, они и должны были поддерживать дворянские привилегии. Крестьяне с каждым годом все больше закреплялись за помещиками, становясь совершенно бесправными рабами. Такие же порядки установились и в завоеванных Петром окраинах: Ингрии, Эстляндии и Лифляндии.

Еще сам Петр предоставил дворянству этих окраин все прежние их помещичьи права и льготы. Отобранные Карлом XI имения были возвращены прежним владельцам и их наследникам. Суд и полицейский надзор за крестьянами также переходили в руки немецких помещиков. Владеть имениями, т. е. землями, населенными крестьянами, могли только дворяне. Сверх того, немецкое дворянство получило еще и особые привилегии: 1) право обсуждать в ландтагах (сеймы, собрания) свои дворянские дела и принимать для края новые законы, и 2) пользоваться в школах и в делах местного управления немецким языком. Все эти льготы были предоставлены ливонскому дворянству как бы в благодарность за поддержку в борьбе царя с Карлом XII. Таким образом, Паткуль, сдержал свою клятву: отомстил шведам и вернул немецким помещикам все их старые привилегии.

Правда, за все это немецкие дворяне, наравне с русскими, обязаны были пожизненно служить офицерами в русских полках. Но это была почетная служба и только усиливала значение немецких баронов в стране.

Зато положение крестьян, особенно со смертью Петра, становилось все хуже. Вакенбухи (*wakuraamatud*), ограничивавшие власть помещиков, были совершенно забыты. Рабство, самое жестокое и обидное рабство, было снова наложено на эстов и латышей. Крестьян, наравне с собаками и скотом, помещики начали продавать, дарить и обменивать, нередко разлучая малолетних детей с их родителями. Даже для женитьбы необходимо было разрешение господ. Но чаще всего помещики женили своих крестьян, не справляясь с их согласием. Только немногие помещики по-человечески относились к своим подвластным и заботились об улучшении их жизни. Впрочем, те же самые порядки укрепились и во всей России за время 70-тилетнего црствования женщин: все для дворян и почти ничего для других классов населения.

Горожане также испытывали за это время много неприятностей. Их земли, особенно земли городов, разрушенных или потерявших права самоуправления, отошли к баронам. Дворяне, имевшие в городах дома, отказывались платить какие бы то ни было налоги и готовы были приравнять горожан к крестьянам. Началась упорная борьба горожан с дворянами и даже друг с другом. Чтобы отстоять свои права, купцы отказывались покупать продукты у помещиков. Ремесленники же, нуждаясь в заказах и продуктах, обходили требования купцов и тайно закупали нужные им материалы на мызах. Зато городские суды были завалены мелкими делами об обидах и убытках. Но все же многие города отстояли свою самостоятельность. Эти города сохранили у себя и школьное образование.

Школы Форзелиуса в деревнях исчезли. К 1720 году из них осталась только одна — с тремя учениками, да и она вскоре (в 1727 г.) закрылась: помещик вытребовал ее учителя (Игнатия Яка) в свою мызу, но не для школьных занятий, а для барщинных работ. Грамотность в стране пала. Лишь во второй половине века, по настоянию пасторов, при больших мызах снова стали открывать школы, по прежнему в ригах или курных избах. Учили здесь только грамоте, т. е. чтению. В то же время на приходских кистеров была возложена обязанность учить и тех детей, которые не могли посещать мызных школ. Кистеры, переходя нередко из деревни в деревню, обучали детей чтению, пению и катехизису.

31. Уничтожение крепостного права в Прибалтике.

XVIII в. принято называть в истории Веком Просвещения. В этом столетии в Европе, особенно — во Франции, явилось много писателей и вообще мыслящих людей, которые стали высказывать в своих книгах новые взгляды на жизнь и на отношения людей друг к другу. В числе таких людей были и горожане, и дворяне, и даже епископы и короли. Все эти разные по своему происхождению и привычкам люди стали думать и писать об одном и том же. Они стали говорить и писать о несправедливости рабства и неравенства людей перед законом; высказывали мысли о братстве людей и, стало быть, об одинаковых для всех правах на свободную и обеспеченную трудом жизнь. Короли, — Фридрих II Прусский и Иосиф II Австрийский, — первые сделали попытку изменить жизнь своих подданных согласно с новыми взглядами. Они объявили крестьянам свободу, распорядились об устройстве для них школ и стеснили дворян в их привилегиях.

Русская царица Екатерина II тоже была почитательницей писателей Века Просвещения и тоже думала об освобождении крепостных в России. Но в этих человеколюбивых намерениях императрицу поддерживали только немногие, действительно благородные дворяне. Большинство же помещиков считало власть над крестьянами и пользование их даровым трудом — своим священным правом. Екатерина II не осмелилась объявить свободу крестьянам наперекор дворянству, потому что царскую власть она получила с помощью дворянских полков и от них зависела. Зато через лифляндского генерал-губернатора Брауна она сделала очень много, чтобы облегчить положение прибалтийских крестьян. Императрица сама побывала в этом крае, посетив Ригу, Пернов, Дерпт и Ревель. Во время своего путешествия она получила много жалоб от крестьян и лично убедилась в их тяжелой участи. По ее поручению генерал-губернатор предложил немецкому дворянству позаботиться об улучшении положения своих крепостных. Браун сам лично составил об этом записку в ландтаг (1765 г.). Дворяне приняли его предложение, хотя и далеко неохотно и не единодушно. Но с этих пор положение крепостных Прибалтийского края все же изменилось к лучшему, хотя больше на бумаге, чем на деле. Теперь восстанавливались вакенбухи с указанием предельных работ; за крестьянами признавалось их трудовое имущество; помещики отказывались от обычая продавать своих крепостных в розницу, как скот.

В это время среди прибалтийских немцев уже были люди, которые получили образование за-границей, прониклись мыслями писателей просвещения и искренно думали о братстве, мире и счастье всех людей. Из них замечательны два лица: барон Шульц, и сын пастора Меркель. Барон Шульц первый

в крае сделал попытку освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Он даже написал книжку, в которой и изложил порядки свободной трудовой жизни освобожденного народа. Меркель тоже написал книгу, но о жизни крепостных людей. В форме писем он ярко и без прикрас описал тяжелые страдания рабов, возмущаясь при этом бесчеловечной жестокостью их владельцев помещиков. Письма Меркеля были как бы призывом к царю — стать на защиту угнетенного народа. Эта книга имела большое влияние на дальнейшую судьбу крестьян, так как ее читали все образованные люди того времени.

Волновались тогда и сами крестьяне, как бы предчувствуя скорое освобождение от рабства. На некоторых мызах они отказывались выходить на барщину, оказывая сопротивление даже войскам. Такое настроение крестьян ускорило их освобождение. Уже в 1804 г., по предложению императора Александра I-го, лифляндский ландтаг постановил дать крепостным новые льготы. Крестьяне получили право передавать участки земли, которыми они пользовались, в наследственное владение своим детям и освобождались от тяжелой обязанности жениться по назначению своих господ. Эстляндские дворяне первые заговорили о полном уничтожении крепостного права. Они составили об этом проект (предположение) еще в 1811 г., но нашествие Наполеона задержало реформу на пять лет. Закон об освобождении крестьян был принят ревельским ландтагом, а затем и утвержден императором Александром I в 1816 г. Такой же акт освобождения был подписан Александром I и для Лифляндии 26 марта (7 апреля) 1819 года.

День объявления свободы был днем счастья для освобожденного народа. На коленях, со слезами на глазах эсты благословляли и день свободы, и имя царя Александра. Теперь эсты становились людьми и, казалось, могли по собственной воле располагать своим трудом и своей судьбой. Но на деле оказалось иначе.

Немецкие дворяне уступили пожеланиям царя и лучших людей своего времени: они признали своих рабов свободными. Зато, составляя закон об уничтожении крепостного права, бароны сделали все, чтобы не выпускать из своих рук крестьян. По этому закону эсты и латыши становились свободными людьми, но без права выселяться в другие губернии и даже в города. Главное же горе крестьян было в том, что вся земля по закону отходила в собственность помещиков. Народ, таким образом, лишался земли, которую он так обильно, на протяжении многих веков, поливал своею кровью и потом. Свободные крестьяне снова оказались в полной зависимости от господ-немцев. Закон не позволял им выселяться из пределов губернии, а собственной земли у них не было. Волей-неволей „свободные люди“ должны были оставаться на старых местах арендаторами своей же земли и принимать самые тяжелые условия под видом милости. Ведь, помещик

имел теперь право почти в любое время прогнать от себя неугодного ему арендатора.

Правда, среди немецких баронов были и хорошие люди; но такие встречались очень редко. Обычно же бароны держали себя высокомерно и безучастно к нуждам народа. Их управляющие и приказчики крайне грубо обращались с арендаторами и рабочими; плеть и кулачная расправа были их обычным делом. Кроме денежной аренды и налогов на содержание школ, пасторов и пр., крестьяне должны были доставлять помещикам и их управляющим часть хлеба, сена, масла, кур, баранов и т. д. Они исполняли также и обязательные на мызах работы и чинили трактовые дороги. Во многих случаях крестьянам жилось теперь гораздо труднее, чем во время крепостного права. Недаром сами же немецкие дворяне говорили, что только с крестьянской реформой было вполне закончено дело завоевания Прибалтики немцами. Эта реформа отдала земли эстов и латышей в полную собственность немцам и—сверх того—еще более закрепила их власть над населением.

32. Волнения среди крестьян-эстов и меры к улучшению их хозяйственного положения.

Освободительная реформа доставила прибалтийским дворянам большие выгоды, но зато вскоре же озлобила и народ. Пользуясь правами хозяев, помещики назначали очень высокие аренды, а иногда и совсем изгоняли из своих имений неугодных им крестьян. В это время немецкие помещики занялись выгодными для них посевами картофеля и клевера. Под эти посевы стали отводить разработанные крестьянские участки, а самих крестьян выселяли на новые места, в лесную и болотную глушь. Иногда изгонялись целые деревни и отпускались на полную свободу. Число безземельных и безработных крестьян росло с каждым годом. Народ волновался и готов был подняться на открытый бунт. Это и случилось в 1841 г. близ Святого озера (Pühajärv).

Крестьяне нескольких мыз отказались выполнять тяжелые условия аренды. Для разбора дела приехали судьи из Дерпта. Суд не мог примирить недовольных. Тогда начальство распорядилось поселить в крестьянские семьи солдат „на постой“. Солдаты стали насильничать и забирать у своих хозяев продовольствие. Народ возмутился и дубинами прогнал солдат из деревни. После этого, на полях близ Святого озера, произошла настоящая битва. Крестьяне дрались дубинами, солдаты—прикладами. Раненых с обеих сторон оказалось довольно много. Народ победил, потому что с окрестных деревень собралось до 1000 человек; но за этот бунт пострадали многие эсты. Более сорока человек было приговорено к наказанию „сквозь строй“. Зимой, в мороз, над приговоренными выполнили

наказание: их обнаженными провели сквозь строй в 500 человек, при чем каждый солдат наносил им по спине удар палкой в палец толщиной. Главных виновников бунта сослали затем в Сибирь на поселение. Но волнения и готовность к возмущению среди крестьян эстов не прекратились.

Уже в это время в народе стали распространяться всевозможные слухи и обещания. Говорили, что в России в теплых краях, где много свободной земли, совсем нет помещиков, и что царь разрешает переселяться туда всем, кто только пожелает. Ходили слухи и о том, что крестьянам собираются нарезать надель из мызных земель и что всякие налоги и подати будут отменены. Народ верил этим слухам и радовался тем более, что за эти годы (1839—1841 и 1845 г.) в Эстии был большой неурожай и голод. Несколько человек эстов-крестьян тайком пробрались в Ригу, чтобы получить там от начальства царское разрешение на выезд в теплые края. В Риге эстов-ходовок обласкал местный православный епископ (Иринарх) и обещал выхлопотать разрешение всем, кто примет православие. По возвращении ходокоев радостное волнение еще сильнее охватило эстов. Напрасно генерал-губернатор края выпустил печатное объявление о вздорности слухов; ему не верили. В народе говорили: „Мы готовы пойти на что угодно, лишь бы вырваться из немецких когтей“. Простой народ искренно верил, что достаточно принять обряд миропомазания, и его горячее желание—переселиться в страну, „где нет помещиков“—немедленно же исполнится. И крестьяне-эсты тысячами стали принимать православие. За 4 года в православие перешло до 100 тысяч человек.

Но надежды новообращенных на переселение не сбылись немедленно. Тогда многие эсты, считая себя обманутыми православным епископом и испытывая притеснения со стороны баронов за принятие православия, снова собирались перейти в лютеранство. Но обратный переход из православия запрещался законом; поэтому новообращенные эсты стали жить без церковного венчания, не крестили своих детей и не посещали церквей. Царь Александр II положил конец насилиям над совестью людей и разрешил всем эстам свободно избирать для себя любое христианское исповедание.

Рижский православный епископ однакоже не обманывал народ. Обещая эстам свободу переселения, он был вполне уверен, что ходатайство его будет исполнено русским правительством. Тогда в Петербурге уже шли работы тайного комитета, который обсуждал общую для всей империи крестьянскую реформу. (В России тогда оставалось еще свыше 20 мил. крепостных крестьян, которых и предполагалось освободить). Но вскоре началась Крымская война, и работы комитета приостановились. Таким образом, обещания православного епископа стали выполняться только через 12 лет. В 1858 году на берегу Волги (в Самарской губ.) было заложено первое эстское

селение „Лифляндка“. Через 4 года там же появился второй поселок „Балтика“, а еще через три—„Эстонка“. Колонии эстов возникают повсюду в России: в Крыму, на Кавказе и в Сибири. До 1917 г. в России значилось 318 больших эстонских селений, не считая отдельных хуторов; общее число эстов в России было до 200.000.

Крестьянские волнения беспокоили, конечно, и баронов, и русское правительство. Волнения могли перейти в более опасное общее восстание крестьян—эстов и латышей. Эти опасения и заставили, наконец, немецких помещиков пойти на некоторые уступки крестьянским нуждам. По настоянию барона Фелькерзама рижский ландтаг принял в 1849 г. новый крестьянский закон. Этот закон значительно улучшал положение крестьян-арендаторов и мызных рабочих. Более точно были установлены границы арендных участков, и арендная плата назначалась в денежной сумме, а не работой. Арендаторы получили право выкупать у помещиков свои участки в полную собственность. Для помощи крестьянам в выкупе их усадеб учреждался „Крестьянский ссудный банк“. Мызные рабочие, т. наз. батраки, кроме продовольствия, получали теперь от владельцев небольшие наделы земли для личного пользования.

Но за владельцами имений все еще оставалось их право устанавливать условия аренды и выселять неугодных крестьян. Это зло так и не было устранено до последнего времени. Помещики страшно поднимали цены на арендные участки, вынуждая крестьян бросать занятие сельским хозяйством.

В 1856 г. указом Александра II прибалтийским крестьянам было предоставлено право свободно выбирать себе занятия и место жительства. Это право—самое важное для людей, потому что без него нет и самой свободы.

33. Национальное пробуждение эстонского народа.

Уже более 6-ти веков эсты находились под властью немцев и терпели унижения рабства. Кратковременное владычество шведов в их стране (1629 — 1700 г.) все же было лучшим временем в жизни эстонского народа. Власть немецких баронов над крестьянами была ограничена, а благодаря работе Форзелиуса, среди эстов уже начала распространяться грамотность. Крепостной народ мог вздохнуть тогда с облегчением, потому что шведы первые за 400 лет порабощения отнеслись к эстам по-человечески и участливо. Но после опустошительной Северной войны край перешел в подданство к России, и народ снова оказался под властью немцев. От этой немецкой власти не избавили эстов и освободительные реформы 1816 — 1849 г. Немцы все еще держали эстонский

народъ связанным по рукам и ногам. На каждом шагу они старались показать подвластному народу, что они, немцы, во всех отношениях умнее, выше и образованнее всех других людей. Многие эсты и привыкли видеть в немцах своих „миловидных господ“ и покровителей, перенимая их привычки и стараясь во всем подражать этим господам. Даже среди образованных эстов нередко встречались люди образованные, которые стыдились своего происхождения, выдавали себя за немцев и говорили только по-немецки.

Но для эстов пришло, наконец, время пробуждения, т. е. сознания своих сил вместе с уважением к себе и к своему народу. Главными деятелями такого пробуждения были три эста: два ученых доктора, — Фридрих Фельман и Фридрих Крейцвальд, почти сверстники, и третий — самородок-самоучка, Йоган Янсен. Оба ученых доктора родились и выросли среди своего народа; оба хорошо знали родной язык, народные нравы и предания эстонской старины. И Фельман и Крейцвальд по окончании средней немецкой школы продолжали образование в Дерптском университете и оба потом были врачами, получив ученое звание докторов. Наконец, оба они остались верными сынами своего народа и не только не стыдились своего происхождения, а напротив, все силы свои отдали работе для блага родного им народа. Занимаясь врачебной практикой, они оба увлеклись собиранием старинных народных песен и сказаний.

Фельман первый стал записывать рассказы из жизни эстских предков. Один из этих рассказов, под названием „Утренняя и вечерняя заря“ („Koit ja Hämariik“), произвел большое впечатление. Образованные люди, эсты и немцы, впервые по этим рассказам могли убедиться, какую чистую и ясную душу сохранил простой народ, несмотря на свое рабское унижение. Но Фельман не остановился на рассказах. Он стал писать ученые доклады и читать их в Дерптском ученом обществе. Делая свои доклады, Фельман старался заинтересовать преданиями и песнями народной старины как можно большее число образованных людей. Это ему и удалось сделать. Его докладами заинтересовались и немецкие ученые. В 1842 г. Дерптский университет пригласил Фельмана быть лектором (преподавателем) эстонского языка для студентов. Фельман принял предложение, и теперь студенты, эсты и немцы, уже в университете могли изучать эстонский язык и знакомиться с произведениями эстонской народной литературы на лекциях знатока этих предметов.

Доктор Крейцвальд еще больше сделал для национального пробуждения эстов. Чтобы вызвать в подрастающих поколениях уважение к родному народу и родной старине, он составил, на основании старинных песен и сказаний, уже известную нам поэму „Калевипоэг“. Поэма была напечатана в 1862 г. и произвела огромное впечатление. Сказание о свободной жизни в свободных предков очаровывало всех эстов, пробуждая в них

горячую веру в свои силы и смелые надежды на лучшие дни. Мысли и надежды, выраженные в поэме, охватили все лучшие силы народа. Вообще „Калевипоэг“ Крейцвальда сделал огромное дело для пробуждения национального самосознания эстов.

Йоган Янсен был редкий самородок-самоучка, и наравне с Фельманом и Крейцвальдом работал для пробуждения дремлющих народных сил. Он родился в Перновском уезде, в семье крестьянина-мельника. Кое-как научившись читать и писать, Янсень собственными усилиями, без всякой посторонней помощи, приобрел большие познания. В 18 лет он уже занимал должность кистера и был хорошим и знающим учителем в школе. В 28 лет Янсен выпускает первую на эстонском языке книгу-журнал, являясь единственным почти авторомъ всех его самостоятельных и переводных статей. В 38 лет этот человек выступает, как издатель чисто эстонской газеты („Perno Postimees“). А в 48 лет популярность (известность) Янсена уже так велика, что портреты его вывешиваются повсюду: на постоянных дворах, в крестьянских избах и даже в школах. Особенно замечательна надпись на этих портретах: „Эст, в любой одежде оставайся эстом, и только тогда ты будешь верным сыном своего народа“.

Такую громкую известность Янсен заслужил вполне справедливо. Это был горячий патриот своего народа, талантливый и честный газетный работник и неутомимый общественный деятель. Его газета „Eesti Postimees“ была первой серьезной газетой на эстонском языке и объединила все лучшие силы эстов. Богатых и образованных людей среди эстов тогда было еще немного, да и те большею частью старались держаться ближе к немцам. Главную массу эстонского народа составляли крестьяне. Янсен, конечно, хорошо знал тяжелую крестьянскую жизнь своего времени и болел душой за темноту и нищету своих собратьев. Он понимал, что только объединенный народ может помочь самому себе выйти из приниженного и зависимого положения. Он решил объединить всех эстов, богатых и бедных, образованных и необразованных, и довести их до сознания, что они составляют один народ, сильный волей и верою в лучшее будущее. Янсен был человек сдержанный и осторожный. В своей газете и в публичных речах он избегал резко затрагивать интересы землевладельцев немцев. Это было очень разумно с его стороны; в дворянах он не нажил себе врагов, и те не мешали его просветительной работе.

Его газета „Eesti Postimees“ писала обо всем, что касалось прошлой и настоящей жизни эстов и что могло служить к объединению народа. Для крестьян газета выпускала особое приложение „Eesti Põllumees“ („Эстонский сельский хозяин“). Здесь писал большею частью сам Янсен, переводя лучшие статьи по сельскому хозяйству из немецких журналов. Чтобы еще больше заинтересовать читателей этим приложением к газете, он стал печатать письма и запросы крестьян, вместе с ответами на их запросы. Эта работа Янсена уже вскоре принесла приятные

плоды: в Дерпте образовалось первое „Общество сельского хозяйства“, членами которого сделались многие крестьяне. По образцу Янсеновского общества стали устраиваться и все другие сельско-хозяйственные общества. Так началось дело объединения и хозяйственного просвещения крестьян.

Другим крупным делом Янсена по объединению эстонского народа было устройство в 1869 году обще-эстонского певческого праздника, в день пятидесятилетия освобождения лифляндских крестьян от крепостной зависимости. И к этому большому делу, важному для объединения эстов, Янсен подходил постепенно, шаг за шагом. Еще в Пернове, во время своего учительства, он устроил небольшой хор любителей пения для отвлечения молодежи от разгульных увеселений. По переезде в Дерпт он вскоре же образовал здесь певческое общество под названием Ванэмуине (имя эстонского бога песен). Общество стало устраивать концерты, вечера, лоттереи, чтения для народа и научные лекции. По примеру Ванэмуине стали устраиваться такие же общества и в других городах. В Ревеле, напр., тогда же образовалось общество Эстония.

Мысль Янсена об устройстве обще-эстонского певческого праздника понравилась всем просвещенным эстам. Русское правительство и хозяева края, немцы, не препятствовали эстам почтить день своего освобождения собранием певческих хоров. На праздник в Дерпт съехались тысячи народа. Торжества продолжались несколько дней. Янсен написал к этому дню гимн: „Mu isamaa—mu õnn ja rõõm“ („Мое отечество—мое счастье и радость“). Торжественные звуки этого гимна вызывали у эстов слезы умиления. После 6½ веков рабства народ в первый раз с особой силой почувствовал и понял, что они, эсты, тоже имеют общую для всех родину-мать, что все они—один народ. И в этом подъеме национальных чувств народа главная заслуга принадлежит Янсену.

Гимн Янсена принят теперь свободной Эстией, как национальный гимн. Даже государственный эстонский флаг.—белый, синий, черный,—был составлен в свое время для эстонского студенчества при содействии Янсена. Дочь Янсена, Лидия,—известная более под псевдонимом Koidula,—своими стихотворениями также горячо поддерживала в народе веру в недалекую зарю новой жизни.

34. Начало борьбы съ немецким засилием.

Национальное пробуждение эстов совпадает с временем царствования Александра II, царя Освободителя (1855—1881 г.). Это было время великих и благодетельных для русского народа реформ. Царь Александр II прекрасно понимал, что сила и прочность государства невозможны без свободы народа (в пределах закона, конечно), без разумного просвещения и хозяйственного благополучия

населения. Все свои заботы царь и обратил, поэтому, на улучшение условий жизни многомиллионного населения России. По его властному слову, хотя и против желанья большинства русских помещиков, 20 слишком миллионов крепостных крестьян получили свободу и были наделены землей, необходимой им для сохранения полученной свободы. Чтобы не стеснять народ в его свободной жизни, Александр II предоставил крестьянам и права самоуправления с выборными старшинами и судьями. Затем царь учредил новые, наиболее справедливые и равные для всех суды, издал закон о всеобщем образовании и сделал еще много других распоряжений, полезных для жизни всего населения. Это были лучшие годы в жизни русского народа и населения окраин, годы радостных надежд и веры в лучшую свою судьбу. Имя Царя Освободителя благословляли почти все подвластные ему народы, а многие и до сих пор хранят о нем благодарную память.

Уважение к России и к царю Освободителю было огромно и среди эстонского народа. Каждое разрешенное правительством собрание эстов начиналось и заканчивалось пением русского национального гимна. Во всех произносимых речах говорилось об уважении и горячей любви к царю. Образованные эсты вообще глубоко верили в сердце и разум царя Александра II и — не ошибались. Указ Александра II (1856 г.) о свободномъ выборе занятий и мест поселения сделал эстов вполне свободными людьми не на бумаге только, а и в действительности. До указа крестьяне-эсты в деле выбора места поселения были стеснены разными условиями и, стало быть, не имели свободы.

Другим указом царя (1866 г.) в Прибалтийском крае был введен общий для всего государства порядок крестьянского самоуправления. По этому закону крестьяне-эсты получили право обсуждать свои дела и нужды на волостных собраниях, выбирать своих старшин и волостных судей, а также и свою, особую от мызной, полицию (сотские и десятские), заботиться об устройстве школ, о взаимной помощи на случай несчастья и т. д. Порядок самоуправления имел огромное значение в жизни эстонского народа. Общие заботы о своих нуждах и совместное их обсуждение с каждым годом все теснее сближали и объединяли народ. С этих пор в крае начинается также широкое распространение эстонских школ и разного рода сельско-хозяйственных обществ. Даже обще-эстонский праздник (1869 г.) мог пройти с таким большим успехом, благодаря главным образом, двум законам: о свободе и самоуправлении крестьян.

Правда, хозяевами края по прежнему продолжали оставаться немцы: в городах купцы и ремесленники, в уездах — землевладельцы-дворяне. В их руках находился и высший суд, и полиция, и надзор за школами. Немецкий язык, как и раньше, все еще

считался „государственным языком края“; преподавание в школах и все деловые бумаги велись только на этом языке. Образованные эсты могли быть врачами, иногда пасторами, учителями в своих школах, волостными старшинами, волостными крестьянскими судьями и—только. Да и в этих должностях эсты испытывали унижения и тяжелую зависимость от хозяев-немцев. Отношение к ним со стороны большинства дворян и богатых немецких купцов было высокомерное и даже презрительное, как к людям другой, „низшей породы“. Все это должно было в конце концов вызвать эстов на открытую и решительную борьбу против немецкого засилья и высокомерия.

Александр II хорошо понимал всю приниженность и зависимость эстов от немцев. С своей стороны он сделал очень много, чтобы облегчить положение народа и дать ему силы для законной борьбы против своих угнетателей. Однако же, при всем своем желании, царь Освободитель не решался разом уничтожить вековые привилегии немцев, опасаясь доводить дело до крайней вражды. Урок Рейнгольда Паткуля, виновника Великой Северной войны, не забывался русским правительством. Между тем Германия, защитница местных немцев-баронов, сделалась в то время очень сильным государством. Россия же тогда не успела еще оправиться после своего Севастопольского поражения. Русскому правительству приходилось поэтому действовать осторожно и исподволь, представляя самому народу добиваться расширения своих прав за счет немцев. Многие из образованных эстов поняли намерения правительства и терпеливо начали спокойную, но упорную работу за лучшее будущее. Главное внимание они обратили на устройство школ и на увеличение земельной собственности.

Особенно интересна история школьного дела в Эстии. В 1843 г. в Юрьевском и Верроском уездах было только 4 приходских школы; волостных „школ грамоты“ едва насчитывался один десяток. Но уже лет через 25 (к 1870 г.) каждый приход в южных уездах имел хорошо устроенную школу и отлично подготовленных учителей. С каждым годом увеличивалось и число волостных школ грамотности. Все эти школы стали очень быстро вырастать лишь с тех пор, как сами крестьяне получили право заботиться об устройстве школ и участвовать в делах управления ими.

К этому времени кистерская школа в Валке была преобразована в учительскую семинарию (в 1849 г.) для подготовки приходских учителей. В нее принимались дети эстов и латышей; преподавание велось, конечно, на немецком языке. К счастью для школьного дела, заведующим семинарией был назначен редкий по своей любви к делу и прекрасно образованный человек, латыш Цимзе. Цимзе всей душой отдался делу подготовки народных учителей. Это был лучший наставник для будущих работников народной школы. Его многочисленные ученики на-

всегда сохранили слова своего учителя: „Всякая работа есть борьба; а работа народного учителя— это борьба маленьких людей с великанами. В борьбе же побеждает только тот, кто неустанно готовится к новым битвам“. Понятно, что особенной любовью Цимзе пользовались те из его учеников, которые не переставали пополнять свое образование и отдавали школьной работе все свои способности и силы.

Лет через двадцать (в 1871 и 1873 гг.) были открыты учительские семинарии и для волостных школ (напр. Дерптская семинария), где преподавание велось уже на эстонском языке. Из этих семинарий также вышло много преданных делу народного просвещения работников.

Одним из учеников Валкской семинарии был и Карл Якобсон, издатель новой эстонской газеты „Sakala“. Якобсон был сыном кистера и по окончании семинарии занял место отца. В должности кистера и учителя приходской школы он не старался подлаживаться к местным дворянам-немцам и нажил в них себе врагов. Вскоре он принужден был оставить работу в школе и уехал в Петербург, где и занялся пополнением своего образования. Затем он вернулся на родину, поселился в Дерпте и стал работать в Янсеновской газете „Eesti Postimees“. Но горячему патриоту Якобсону не нравилась спокойная работа Янсена и его слишком миролюбивое отношение к немцам. Он открыл (в 1878 г.) свою газету „Sakala“, в которой и стал писать довольно резкие статьи против немецкого засилья вообще. От немцев-помещиков Якобсон прямо требовал уступки большей части их земель в собственность крестьян-эстов. Немцев-пасторов он упрекал, как баронских прислужников, которые ради личных выгод ничего не делают в пользу обездоленного народа. А к русскому правительству патриот обращался как бы с ходатайством — признать эстонский язык таким же обязательным для края языком, как и немецкий. Словом, Якобсон начал смелую и решительную борьбу против немецкого господства и влияния.

Русское правительство не только не останавливало пылкого патриота, но даже втайне его поощряло. Влияние немцев в стране все еще было очень сильно; для России поэтому было очень выгодно, чтобы сами же местные жители разрушили это влияние. Но когда по мысли И. Адамсона кружок образованных эстов (Янсен, Хурт, Якобсон, Веске и др.) задумал учредить национально-эстонскую высшую школу и собрал для этого большую сумму денег, русское правительство, по настоянию немцев, отказало утвердить для этой школы программу преподавания на эстонском языке. Таким образом, вместо высшего Александровского училища было открыто только высшее городское Александровское училище. Тем не менее русское

правительство не скрывало своих намерений покончить с привилегиями прибалтийских немцев. Это и было сделано в царствование Александра III.

36. Попытки обрусения края при Александре III.

Борьба с немецким засильем в крае окончилась только в царствование Александра III (1881—1894 гг.). Власть немцев была сломлена; но вместо немецкого господства здесь началось теперь полное хозяйничанье русских. Александр III считал себя чисто русским человеком и хотел, чтобы все его подданные были такими же, как и он сам. Царь — один для всего народа; стало быть, все должны подчиняться одним законам, говорить на одном языке и признавать одну веру. Такого правила придерживался в своей жизни Александр III, считая себя единственным хозяином русской земли. Правда, этот царь искренно желал, чтобы все подданные в его государстве жили бы спокойно и мирно. Ему казалось, что достаточно только распорядиться и приказать, и все будет исполнено как следует, к общему для всех благополучию. Но на деле выходило наоборот.

Целым рядом царских указов в Прибалтийском крае были введены русские законы и суды, русское управление и русский язык в канцеляриях, в судах и в школах. Все это, конечно, было вполне разумно и правильно, потому что край считался частью России, а не Германии; здесь, стало быть, и должны были господствовать русские, а не немецкие порядки. Русские же законы и суды (по уставам Александра II) были в то время лучшими в Европе по своей мягкости и человеколюбию. Недаром же они сохраниют свою силу и до сих пор в свободной уже Эстии. Но одно дело — хорошие законы, а совсем другое — их исполнение.

Всякий разумный человек должен понимать, что сразу и вдруг ничто хорошее не делается, потому что дуги гнут с терпением и не вдруг. В это время было уже довольно много образованных людей из эстов и латышей, которые сами предлагали свои услуги русскому правительству. Этими силами и можно было бы воспользоваться, постепенно подготавливая нужных чиновников, знающих местные языки и обычаи. Но русские правители (министры и высшие сановники) меньше всего думали об интересах населения России и окраин. Для них важно было выслужиться своей исполнительностью только перед царем. Царь желал, чтобы все подданные инородцы возможно скорее научились понимать русскую речь, управлялись и судились бы по русским законам. И честолюбивые исполнители горячо принялись за дело обрусения. В Прибалтийский край понаехали русские чиновники, судьи и учителя, ни слова не понимавшие не только по-эстонски или

по-латышски, но и по-немецки. Местных жителей допускали к этим должностям только по особой рекомендации. Местному населению прямо давали понять: „Если вы хотите получать образование, жить по справедливым законам и судиться справедливым судом, так изучайте прежде всего русский язык“.

От таких крутых перемен больше всего пострадали школы, особенно крестьянские. Многие преданные делу учителя, должны были оставить любимое занятие. Их места заняли другие (нередко и русские) неопытные и очень часто неподготовленные к школьной работе молодые люди. Эти новые учителя старались только, по приказанию начальства, научить крестьянских детей кое-как говорить и читать по-русски; на умственное же развитие детей совсем почти не обращалось внимания. Так же круто вводился русский язык и в городских средне-образовательных школах, где преподавание до того времени велось исключительно на немецком языке. Многие ученики этих школ, особенно в старших классах, принуждены были прекратить свое образование, так как не владели русской речью. Русский язык преподавания ввели, наконец, и в Дерптском университете, где немецкий язык оставлен был только на богословском отделении для подготовки пасторов. Немецких профессоров заменили русские, и университет стал заполняться, главным образом, русскими студентами. Даже немецкое название города *Dorpat*, т. е. Дерпт, было заменено (в 1893 году) старинным русским названием Юрьев.

Все эти обрусительные меры продолжались и в царствование Николая II. Они вызвали большое неудовольствие среди местного населения и вооружали против России лучших и образованных людей края. Больше всего возмущались, конечно, немцы, так как большая часть правительственных распоряжений была направлена, исключительно против них и их влияния на коренное население страны. Доверие эстов к России также начало падать. Русский язык в школах стал вытеснять родной, эстонский; 20% населения разучилось читать и писать на родном языке. В новых судах многие эсты, не владевшие русской речью, часто не находили правосудия*), потому что переводчики не всегда умели делать точные переводы заявлений и показаний с эстонского языка на русский. Русские чиновники, особенно русская полиция, отличалась грубостью и взяточничеством. Началось, наконец, и открытое почти гонение на сторонников национального объединения. „Эстонское литературное общество“ было закрыто, а члены этого общества и другие национальные деятели были поставлены под особый надзор правительства.

*) Между тем, — русский суд, начиная с Александровской эпохи и до революции, отличался своей неподкупностью и гуманностью; а русские судьи в Эстляндии были даже наилучшими из русских судей.

Надежды эстов на лучшие дни гасли с каждым годом. Только немногие хранили еще бодрость духа и горячую веру в свои и народные силы. Среди них выделялись Ян Тениссон и Константин Пятс. Оба они придерживались правила: „Помогай самому себе“. Тениссон старался объединить образованных эстов вокруг своей газеты „Postimees“, а Пятс в „Teataja“. Благодаря работе Пятса ревельское городское самоуправление перешло в 1904 г. в руки эстонского большинства. Это была первая самостоятельная победа эстов над немцами.

37. Революция 1905 года и ее последствия в жизни эстов.

В 1905 году в России началась первая революция, т. е. попытка со стороны самого населения изменить государственные порядки в пользу всего народа. Прежние русские порядки были удобны и выгодны только для немногих: для дворян землевладельцев, отчасти для промышленников и для состоятельных людей вообще. Крестьяне и рабочий народ только по закону считались равноправными со всеми другими классами населения; но это равноправие не давало им никаких выгод, потому что у сильного всегда бессильный виноват.

Крестьяне и рабочий народ по своей темноте и бедности очень часто попадали в тяжелую зависимость — кто от землевладельцев, а кто и от промышленников. Закон, равный для всех, не мог предвидеть, что ловкие и хитрые дельцы сумеют обойти его и по закону же стеснить темных и бедных людей.

По своим привычкам, склонностям и взглядам на жизнь люди бывают не одинаковы. Одни довольствуются привычной им трудовой жизнью *), прекрасно понимая, что без труда не проживешь („не поработаешь — не поешь“). Другие не любят неблагодарного тяжелого труда и не стесняются устраивать свою жизнь за счет трудовых людей. Такими в старину являлись все, так называемые, воинственные народы и военноторговые дружины, которые — то силой, то хитростью — поработали мирное и трудовое население разных стран. Эти завоеватели составили затем в завоеванных ими странах господствующий дворянско-помещичий или землевладельческий класс: в России — дружины варяго-русов, в Эстии и Латвии — немецкие купцы и крестоносцы. Завоеватели могли жить очень удобно, пользуясь трудом и всякими услугами зависимого от них населения.

*) Люди труда — все те, чья работа служит на пользу многих других: ученые, инженеры, врачи, учителя, крестьяне, разного рода техники, рабочие и им подобные.

Дурные примеры всегда заразительны, а нетрудовая жизнь очень соблазнительна. Многие из поработанных последовали примеру и стали устраиваться или наемниками у „господ“, или в качестве „спекулянтов“, т. е. людей легкой полутрудовой наживы за счет нужды и горя своих ближних. Люди же незагрязненной совести и честного труда продолжали терпеть, поневоле мирясь с несправедливостями и невзгодами жизни. Но приходит, наконец, и время расплаты: обид и огорчений накапливается слишком много. В эти дни даже мирные и совершенно спокойные люди начинают громко возмущаться поведением себялюбцев, любителей жить за чужой счет, и требовать изменения порядков общественной жизни.

Так начинается всякая революция. Так началась она и в России в 1905 г.

Благодетельные для народа реформы Александра II встречали не только русских крепостников-помещиков, но и иностранных соседей. Крепостники, лишившись дарового труда крестьян, беспокоились за свое дальнейшее благополучие, а иностранные государства опасались быстрого роста народного благосостояния, просвещения и, стало быть, могущества России. Начались разного рода интриги и тайные заговоры против царя Освободителя.

Тогда же в России образовалась и маленькая кучка революционеров из студенческой и рабочей молодежи, вожаки которых жили за границей и оттуда руководили работой своих подчиненных. Революционеры стали производить покушения на жизнь царя и отдельных губернаторов. Травля царя Освободителя окончилась, наконец, его мученической смертью (1 марта 1881 г.) от бомбы, брошенной в него революционерами. Теперь все темные силы могли торжествовать свою победу. Их влияние и хозяйничанье в царствование Александра III и Николая II привели Россию на край гибели. Тогда всякое громкое выражение недовольства порядками каралось тюрьмой, крепостью или ссылкой в пустыни Севера и Сибири. Но недовольство народа все росло.

Неразумная война с Японией (1904 — 1905 г.), бесполезно погубившая много народу и окончившаяся позорным поражением русского флота и войска, переполнила чашу терпения: начался открытый бунт. В Петербурге, в Москве и в других больших городах в октябре 1905 г. остановились фабрики и заводы; остановились водопроводы, погасло электричество; прекратились занятия в учебных заведениях; даже хлебопекарни отказались от выпечки хлеба. Наконец, по всей почти России остановилось движение железных дорог; а в некоторых губерниях запылали и помещичьи усадьбы. Правительство царя Николая II растерялось, потому что главные военные силы страны все еще оставались на Дальнем Востоке. Между тем,

наиболее умеренные партии (во главе с партией „народной свободы“), чтобы предупредить ужасы кровавой революции, предложили правительству очень скромные требования: созвать выборы от народа для совместного с царем управления страной и немедленно же объявить народу его человеческие права, т. е. свободу вероисповедания, свободу слова, собраний и т. д. Царь Николай принужден был согласиться на эти требования, и 17-го октября 1905 г. подписал манифест о свободах и созыве Государственной думы. Обещания манифеста успокоили большую часть населения, и волнения стали затихать сами собою.

Но правительство злоупотребило народным доверием. Вместо обещанных свобод оно стало восстанавливать прежние порядки. Для полного будто бы успокоения страны в разные губернии направлялись, так назыв., карательные отряды. На них возлагалась обязанность производить на местах скорый суд и расправу над населением, среди которого происходили наиболее сильные волнения. Такие же карательные отряды, под начальством, главным образом, немецких баронов, были отправлены и в Эстию. Веками накоплявшаяся неприязнь угнетенного и обездоленного населения против своих угнетателей со всею силою вспыхнула здесь в дни революции. В Ревельском и Гапсальском уездах до ста мыз были обращены народом в развалины. Лично пострадали, конечно, и некоторые помещики или их управляющие. Карательные отряды работали в стране по законам военного времени: всех, сколько-нибудь замешанных в разгроме помещичьих усадеб, подвергали сечению, а наиболее подозрительных расстреливали тут же на месте. Секли и расстреливали даже за одно смелое слово, вроде: „Мы, ведь, люди, а не скоты, чтобы с нами так обращаться“. Народ должен был молча переносить свое унижение и позор. Вполне понятно, что озлобление эстов против немцев и русских возрастало еще с большей силой.

Все же русское правительство не решалось сразу взять назад все обещания манифеста. Для населения окраин очень важно было разрешение устраивать школы и обучать детей на их родном языке. И сам собою установился порядок, что первые два года обучения в начальных школах должны идти на родном, материнском языке. И эсты особенно успешно воспользовались всеми предоставленными им возможностями. Умное правило — „помогай самому себе“ — широко распространилось в народе. В короткое время (в 5—6 лет) в Эстии открылось до 90 обществ просвещения и много сельско-хозяйственных и потребительных обществ. На их средства устраивались и содержались чисто эстонские учебные заведения (напр., эстонская женская гимназия в Юрьеве, прогимназии в Пернове и Феллине, сельско-хозяйственные и др. школы), всего до 30 школ, не считая детских

садов для детей рабочего населения. Число образованных людей в стране росло с каждым годом. В казенных гимназиях с русским языком преподавания 80% учащихся были из эстов, а в университетах и других высших учебных заведениях считалось уже не менее 1000 эстонских молодых людей. Как изголодавшиеся люди бросаются на пищу, так жадно стремились и эсты к утолению своего духовного голода, т. е. образования, доступного до революции сравнительно небольшому числу счастливых.

В это же время Ян Тениссон продолжал свою работу над созданием хозяйственной независимости эстонского народа. Под его руководством открывался в городах и уездах целый ряд эстонских ссудо-сберегательных касс и кредитных обществ. Благодаря этим кассам, эсты скупают от владельцев-немцев все большее количество земельных участков в деревнях и в городах. Тогда же на общественные средства народа сооружаются и такие крупные здания, как Ванэмуйне в Юрьеве и Эстония въ Ревеле. Все эти учреждения становятся прочными центрами для дальнейшего национального объединения эстов.

VII. Образование самостоятельной Эстии.

38. Мировая война и отложение эстов от России.

Вера народа в наступление дня освобождения, выраженная им в песнях о Калевипоэге, оправдалась. Огромный пожар действительно охватил всю землю, сжег „адские ворота неволи“ и освободил всех Калевичей, т. е. эстонский народ. Этот огромный пожар оказался величайшей в истории людей мировой войной, продолжавшейся четыре слишком года (1914—1918 г.г.) между всеми почти культурными народами земли.

Война началась нападением Австрии на маленькую Сербию. За Сербию заступилась Россия. Германия обиделась за свою союзницу Австрию и объявила войну России. Россию поддержала ее союзница, Франция. Германия хотела раздавить Францию быстрым натиском и двинула свои войска через Бельгию. Крошечная Бельгия и ее благородный король-гражданин, Альберт, оказали немцам сопротивление. Немцы, „возмутились поведением“ ничтожной Бельгии и варварски разгромили ее, оттеснив армию Альберта к берегам Па-де-Калэ. Тогда против Германии выступила Англия, опасаясь за целостность своих островов. Германия после этого привлекла на свою сторону Турцию, натравив ее на Россию. Затем на сторону

России и ее союзников становятся враги Турции: Италия, Румыния и Греция, а Болгария присоединяется к Германии и Турции. Наконец, против Германии вооружается Япония, отчасти Китай, Австралия, Канада и Соединенные Штаты. Ожесточенная борьба народов „не на жизнь, а на смерть“—шла на суше и на море, в воздухе и под водой. Сражались, истребляя друг друга, миллионы братьев—людей.

Главными виновниками этой ужасной войны следует считать не отдельные государства, а только их правительства и господствующие в них классы и группы населения. Для простого народа, который живет своим трудом, война — одно несчастье. Она выгодна лишь для людей легкой наживы и для наследственных правителей. Удачные войны укрепляют власть коронованных государей, неудачные — сводят их с престола. А для людей своекорыстных всякая война, удачная и неудачная, настоящий клад, потому что в мутной воде рыба ловится легче. Вот почему за последние перед войной годы правительства отдельных государств, при непосредственном содействии людей легкой наживы, тратили такие огромные средства на военное обучение и военное снаряжение. Война разразилась; но она не спасла положения главных наследственных владык. Зато, погубив миллионы простого народа, разорив миллионы же трудовых хозяйств, война доставила огромные выгоды разным международным захватчикам и спекулянтам.

Больше всех страдала от мировой войны Россия. Ее военные неудачи, вследствие крайне дурного управления страной правительства Николая II, и настойчивая работа социалистов (противники частных и защитники общественных хозяйств) вызвали в феврале 1917 г. вторую революцию и отречение царя от престола. Временное правительство оказалось игрушкой в руках социалистов, которые повсюду в России составили послушные себе советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С помощью этих советов социалисты большевики совершенно развалили русскую армию, уничтожив в ней всякую дисциплину. Война на русском фронте закончилась „братанием“ темных русских солдат с немцами и самовольным их уходом с фронта. Тысячи хороших офицеров были при этом растерзаны или заперты в бунтующими солдатами по указанию немецких „товарищей“. Русские ружья, пулеметы и пушки уступались немцам по сходной цене (ружья—по 10, пулеметы по 100, пушки по 500 рублей за штуку). В это время большевики уже захватили власть в свои руки (съ 25 октября 1917 г.). Теперь немцы вполне свободно могли занять и Малороссию и Прибалтийский край.

До самого последнего времени эсты совсем не думали отделяться от России. Временное русское правительство еще в первые дни революции (30 марта—1917 г.) издало закон о б

автономии окраин, т. е. о полном их самоуправлении. Этот закон удовлетворял всем пожеланиям эстов. Уже 14 июля того же года всенародным голосованием они избрали свое автономное народное собрание и правительство, которые немедленно же и приступили к работе. Но захват большевиками правительственной власти в России отразился и на Эстонии. Здесь тоже начали работать советы рабочих и солдатских депутатов. Чтобы оградить народ от насилия большевиков, эстонское автономное правительство объявило себя верховной властью в своей стране (17 ноября 1917 г.). Этот день и был началом отложения эстов от России, или вернее—от новых хозяев русского народа—большевиков.

Но этское правительство уже ничего не могло сделать. При поддержке русских матросов, фабрично-заводских и безземельных крестьян, всю власть в стране захватили большевицкие советы. И здесь, как и в России, массы простого народа были убеждены, что большевики спасают их от засилья немецких баронов и русских чиновников. Начались аресты и дикие расправы над теми, на кого указывали немецкие наемники и озлобленная толпа. Члены этского правительства и городских самоуправлений были принуждены скрываться. Между тем от Риги и со стороны о. Эзеля уже наступали немецкие войска. По приказу Германии большевики должны были очистить весь Прибалтийский край. Отступление большевиков происходило так поспешно, что они забывали даже расстреливать арестованных и приговоренных ими к смерти.

Тогда вечером 24 февраля 1918 г. правительство и старшины эстонского народного собрания, оказавшиеся в Ревеле, объявили Эстию независимой демократической республикой,—Eesti Wabariik. Но немцы уже на другой день вступили в Ревель и установили в стране свою власть и управление.

39. Борьба за свободу и за независимость страны.

Первым делом немцы позаботились отобрать у населения запасы продовольствия (хлеб, картофель, мясо, масло и пр.), чтобы отправить большую часть этих запасов к себе в Германию. Для местного населения они ввели выдачу съестных продуктов по карточкам. Затем началось преследование членов эстонского правительства, городских эстонских самоуправлений и вообще всех образованных эстов. Ясно было, что немцы хотят обратить весь Прибалтийский край в свою провинцию. К счастью для эстов, немецкая власть (оккупация) продолжалась здесь только 8 месяцев. Уже летом 1918 г., благодаря свежим американским войскам и английским танкам, силы Германии на западном фронте были сломлены. В войсках и в самой Германии начались революционные волнения. В октябре воюющие стороны заключили перемирие, а император

Вильгельм II, один из главных виновников этой ужасной войны, должен был отречься от престола. После этого, в начале ноября, по распоряжению нового германского правительства немецкие оккупационные войска оставили пределы Эстонии. Но поспешно уходя из страны, немцы не могли захватить с собою всего запаса оружия. Они увезли только замки от оставленных пушек, а затворы 40 тысяч ружей побросали в море. Таким образом, германцы оставляли безоружное население на произволь судьбы и большевиков.

Большевики и не замедлили двинуться на Эстонию. Они свободно заняли Нарву, Везенберг, Тапс, Тарту (Юрьев), Верро, и Валк, и уже близко подошли к Ревелю. Но 11-го ноября 1918 г., сразу же по уходе немцев, эстонское временное правительство, во главе с К. Пятс, вступило в управление страной. И это правительство сделало огромное дело. Без денег, без оружия и без войска оно в полтора месяца сумело принять все меры для правильной самообороны. Сначала образовались отряды добровольцев, главным образом, из учеников старших классов средних школ. Затем правительство призвало под ружье все мужское население Ревеля и его окрестностей в возрасте до 45 лет. В числе первых, призванных на защиту родины, оказалось свыше 100 человек учителей, которые составили потом особую роту. Ружейные затворы, потопленные немцами, были подняты водолазами со дна моря, вычищены и вставлены в ружья. Тогда же из Финляндии прибыли первые небольшие вспомогательные отряды. Английский флот предоставил эстам военное снаряжение (снаряды и патроны); затем захватил в бою с большевиками два миноносца и передал их эстонскому правительству.

Между тем большевики свирепствовали в занятых ими городах и округах: грабили, жгли, уничтожали, расстреливали. В это время ими был расстрелян в Тарту православный епископ Эстонии, Платон, эст по происхождению, пользовавшийся большим уважением даже у немецких властей. Но понемногу крепили и силы эстов. Общая страшная опасность вызвала народ на отчаянное сопротивление. Первые добровольческие отряды молодежи оказали большевикам и первый отпор. Уже 6-го января 1919 года сильным натиском они заставили большевиков отступить от Ревеля и очистить Тапс. К этому времени подоспели и вспомогательные отряды финнов. Под их дружным напором и преследованием начинается беспорядочное бегство большевистских грабителей вдоль железной дороги до самой Нарвы. Тогда же, 14-го января, партизанский отряд поручика Куприянова с помощью броневиков выбивает большевиков из Тарту. В ту же ночь в Тарту прибывают ревельские дружины, в том числе и учительская рота; часть этой роты — бывшие офицеры военного времени. В 20-ти верстах за Тарту они вступают в бой с большевиками и преследуют затем отступающего

врага до латвийской границы и дальше. Уже 19-го января большевики бегут из Нарвы, а 1-го февраля очищают Валк и Верро. К сожалению, под Валком, у имения Пайю, был смертельно ранен главный герой побед на юге Эстии, поручик Куприянов.

Теперь уже вся страна эстов была очищена от погромщиков большевиков. Все это произошло очень быстро, в 3-4 недели. Единодушие и распорядительность эстонского правительства, благородный порыв молодежи и общее горячее желание сбросить с себя иго насильников дали народу победу над врагом и свободу родине. Радость населения, освобожденного от ужасов большевизма, была безгранична. Эти дни побед были для него днями праздничных ликований. Но борьба за свободу далеко еще не могла считаться законченной. Большевики собрали под Ямбургом и вдоль реки Луги крупные силы (до 30.000) и начали бомбардировку Нарвы. Большевицкая опасность грозила Эстонии и со стороны Пскова. Надо было позаботиться о дальнейшей защите освобожденной родины. Правительство это и сделало, издав закон о наборе правильных полков и назначив главнокомандующим молодой эстонской армией генерала Лайдонера (бывшего полковника русской службы).

Одновременно с освобождением Эстии, в ее пределах понемногу образовалась и, так называемая, северо-западная русская армия. Она составила из русских офицеров, солдат и добровольцев, которым посчастливилось бежать из большевицкой России. По примеру эстов и других окраинных народов, эти русские патриоты думали очистить от большевиков Петроградскую и Псковскую губернии и захватить Петроград. Против большевиков тогда уже довольно успешно действовали армии Деникина и Колчака. К сожалению, вожди этих армий и большинство их генералов и офицеров оказались слишком самонадеянными. Они отказались признать справедливость желаний русского и подвластных России народов; окраины желали для себя законного самоуправления, а русский народ справедливого распределения земли между теми, кто лично может и любит над нею работать. Вожди русских патриотов не могли понять этой простой правды жизни и тем погубили дело борьбы с большевиками. Ни русский, ни окраинные народы их не поддержали, и патриотические вначале русские армии развалились одна за другою.

Несмотря на ожесточенную бомбардировку Нарвы, все попытки большевиков завладеть этим городом успешно отражались эстами. Между тем весной (в начале мая 1919 года) горсточка русских патриотов-северозападников, силою не свыше 600 человек, сделала смелый обход Ямбурга и захватила две-три станции железной дороги. Большевицкая армия оказалась отрезанной от Петрограда. Ее „храбрые комиссары“ (начальники) совершенно растерялись и так поспешно бежали из Ямбурга

проселочными дорогами, что растеряли весь обоз и артиллерию. 30.000 „красных“, т. е. большевиков, спасались бегством, преследуемые только страхом и горсточкой самоотверженных патриотов, так называемых „белых“. Таким образом, Ямбургский и Гдовский уезды были очищены от большевиков. „Красные“ солдаты целыми отрядами стали переходить на сторону „белых“. Вскоре же (25 мая) эстонские войска заняли и Псков.

Но успехи русских патриотов и радость освобожденного населения оказались непродолжительными. Между командирами северо-западной армии и эстонскими властями начались несогласия. Русские командиры продолжали смотреть на Эстонию, как на подвластную „белой России“ страну. Они никак не могли понять, что эсты собственными усилиями освободились от „красных“ и, поэтому, имеют полное право на свою самостоятельность. А прятавшиеся в тылу полу-русские „храбрецы“ не стеснялись хвастать: „Нам бы только добраться до Петрограда, потом мы повернем штыки в обратную сторону“. Вот почему ни эсты, ни финны не поддержали северо-западников в их походе на Петроград. Освобожденное русское население также сильно разочаровалось в „белых“. Наскоро составленное, по требованию Англии, русское „северо-западное правительство“ не поправило дела, а напротив, еще больше увеличило недоразумения.

Тем временем эстам пришлось выдержать довольно трудную борьбу с остатками немецких войск в Латвии. Эти немецкие отряды будто бы не пожелали подчиниться своему революционному правительству, остались в Курляндии и думали образовать в Прибалтийском крае особое герцогство. В мае (1919 г.) при мызе Муремыйза произошло первое столкновение эстов с немцами. Сильные патриотическим духом молодые эстонские полки нанесли немецким хищникам полное поражение и преследовали их потом до самой Риги. В союзе с латышскими частями эсты продолжали борьбу и под Ригой, пока не принудили захватчиков отказаться от своей затеи. Немцы признали самостоятельность Латвии и обещали уйти из Курляндии. Но эти незваные гости не очень торопились очистить занятую ими страну. Зато вмешательством немцев прекрасно воспользовались большевики. Они сосредоточили большие силы под Псковом и Ямбургом, который снова перешел в их руки.

Усилившиеся распри между командирами русской армии и северо-западным правительством, а также между самими командирами, вконец расстроили успешно начатое дело русских патриотов. Псков, предоставленный эстами в распоряжение русских, снова был взят большевиками (в октябре 1919 г.). Полной неудачей закончился и ноябрьский поход Юденича на Петроград. При поддержке эстонских полков и английских танков северозападники взяли Ямбург, заняли Гатчину и уже совсем близко подошли к стенам Петрограда. Но нераспорядительность командиров и заносчивость тыловых героев погубили

успех наступления. Под городом Лугой красные обошли белых и расстроили все их планы. Подгоняемые сзади пулеметами комиссаров, красные полки обрушились на поредевшие ряды белых патриотов и смяли их. Теперь началось обратное, т. е. беспорядочное отступление уже самой северо-западной армии.

Эстонские войска расположились вдоль границ своего молодого государства, готовые умереть за свободу родной страны. Голодные и беспорядочные толпы русских солдат, перешедших за Нарову, были ими разоружены, как неспособные к борьбе, и отправлены в особые лагеря. Только небольшие части патриотов, сохранивших порядок, продолжали еще борьбу, подчинившись эстонскому командованию. А большевики, наступая по следам северозападников, почти вплотную подошли к нарвским укреплениям и начали вторую бомбардировку Нарвы.

Здесь они снова сосредоточили огромные силы (раз в 15 превосходившие силы защитников), рассчитывая раздавить эстов своею массой. Их бешеные атаки на нарвские границы не прекращались 1½ месяца. Но молодые эстонские полки, под руководством своих генералов — Лайдонера и Тениссона мужественно и стойко удерживали все позиции. Бывали дни, когда у проволочных заграждений выростали целые горы вражеских трупов. Наконец, (в начале 1920 г.) большевики предложили эстам перемирие.

В конце января в Тарту (Юрьев) приехали большевистские послы для переговоров о мире. Защитники страны, т. е. весь эстонский народ, нуждались в отдыхе. Враги соглашались на выгодные для молодого государства условия; поэтому продолжать борьбу было неразумно. 2-го февраля 1920 г. Иван Писка, полномочный член эстонского правительства, подписал мирный договор. По этому миру советское правительство России признало полную независимость Эстонии, уплачивало ей 15.000.000 рублей золотом, возвращало все вывезенное во время войны из ее пределов казенное имущество и предоставляло свободный выезд из России всем эстам, которые пожелают вернуться на родину.

Так закончилась героическая борьба народа за свою свободу и независимость родной страны.

40. Устройство Эстонской республики и первые шаги ее самостоятельности.

Еще во время борьбы с большевиками временное эстонское правительство распорядилось созвать в Ревеле полномочное собрание выборных от всего народа для учреждения конституции, т. е. основных, или главных законов государства. Это собрание, под названием учредительного, управляло

страной полтора года и выработало очень свободную конституцию. Главные положения эстонской конституции следующие:

Esti Vabariik есть самостоятельная независимая республика, в которой вся власть принадлежит самим гражданам. Эта власть народа передается государственному собранию в лице его членов, избираемых на три года всеобщим голосованием граждан. Подача избирательного голоса—прямая, тайная и равная для мужчин и для женщин, достигших 20-ти летнего возраста.

Со своей стороны государственное собрание поручает управление делами страны министрам, совет которых, главным образом, и называется правительством. Министр-председатель считается главою государства—*Riigivanem*. Он назначается государственным собранием обычно из числа своих выборных членов (но это не обязательно) и затем уже самостоятельно, по своему усмотрению или по соглашению с партиями, приглашает других министров. Такой порядок выбора министров принят для того, чтобы сделать их работу более согласованной и дружной. При неодобрении большинством членов государственного собрания распоряжений правительства совет министров должен выходить в отставку.

Все граждане, без различия национальности и вероисповедания равны в своих правах. В пределах закона граждане свободны в делах веры, устного и печатного слова, в выборе занятий и места жительства, в устройстве сообществ, союзов, собраний и стачек. Личность и жилище граждан должны быть для всех неприкосновенными.

Государственным языком в республике считается эстонский но русский и немецкий языки также признаются равноправными для объяснений в суде или в правительственных учреждениях. В тех городских и уездных самоуправлениях, где большинство населения составляют не эсты, там письменоводство допускается на языке местного населения (напр., русский язык — в волостях Печерского края и Принаровья, шведский—на островах). Кроме того, отдельные национальности в стране могут пользоваться полной автономией в религиозных и просветительных делах, если это не вредит интересам государства. Вообще, эстонская конституция предоставляет своим гражданам самую широкую — в пределах закона — свободу.

Первые годы свободной самостоятельности Эстии показали, что любовь народа к родине и его согласная работа преодолевают всякие затруднения и создают для большинства населения спокойные и выгодные условия жизни. Особенно ценными надо считать заботы правительства и отдельных самоуправлений о широком распространении школьного образования. Чем больше будет школ в стране и чем выше подымется уровень народного образования, тем скорее наступит

день наибольшего для народа благополучия. Примеры просвещенных европейских стран на виду у всех (Швейцария, Дания, Швеция и др.). В Эстии первоначальное обучение в 4-х классной школе обязательно для всех.

21-го января 1921 г. главные государства Европы признали Эстию законно (*de jure*) существующей республикой, а летом 1922 г. к такому признанию присоединились и Соединенные Штаты. Таким образом, положение Эстии в семье европейских государств сделалось более прочным. Эсты начала XX века честно и самоотверженно завоевали себе независимость. Упрочить свободу и благополучие родной страны зависит уже от молодых подрастающих поколений.

Особенно отранно отметить пример редкого единодушия, проявленного выборными представителями молодой Эстонской республики после тревожного утра 1-го декабря 1924 г. В то пасмурное декабрьское утро командированная из-за границы боевая сотня большевиков, при содействии кучки местных своих единомышленников, сделала попытку захватить Ревель, а вместе с ним и власть над всей Эстонией. Но их дерзкая попытка, как известно, сорвалась в самом начале. Преступникам удалось уже завладеть вокзалом, где одною из первых жертв пал прибывший туда по служебным обязанностям министр путей сообщения, инженер Карк. Одновременно ими были сделаны нападения на военное министерство и военное училище, на главный почтамт и телефонную станцию, на полицейские участки, на дом главы государства и др. места. Однако же, несмотря на прерванное телефонное сообщение, юнкера военного училища, войсковые части, городская полиция и добровольцы из горожан быстро, в полтора-два часа, очистили от захватчиков все занятые ими пункты и восстановили в городе полный порядок. Юнкера военного училища, на которых было сделано главное нападение и среди которых оказалось больше всего жертв, проявили при этом замечательное хладнокровие и решительность.

И вот тогда то, днем 1-го декабря, молодой эстонский парламент (т. е. государственное собрание) единогласно всеми партиями постановил: объявить страну на военном положении и вручить чрезвычайные полномочия генералу Лайдонеру по расследованию обстоятельств и для полного уничтожения следов этого тревожного события. Опасность, угрожавшая независимости Эстии и свободе граждан, объединила все партии, и выборные представители народа не задумались для успокоения встревоженного населения предоставить почти диктаторскую власть лицу, вполне испытанной твердости.

Тогда же среди народных представителей назрела мысль—образовать правительство, которое бы опиралось на все поли-

тические парти парламента. Мысль — вполне своевременная: страна ждала от своих выборных единомышленников в таком важном вопросе, как охрана государственного порядка. Эта мысль и была осуществлена через две недели. Ю. Яксон сформировал совет министров из представителей всех партий — от правой земледельческой до социалистов включительно. (Партия коммунистов, явно замешанная в дело 1-го декабря, была объявлена противогосударственной и исключена из состава парламента.) Новое правительство было принято государственным собранием единогласно (пример исключительный в истории парламентских государств). Так красноречиво через своих представителей заявил эстонский народ, что он вполне достоин завоеванной свободы.

„Первое декабря“ вызвало среди населения необычную ревность к охране государственного строя. В добровольческие дружины самообороны (Kaitseliit), существовавшие в городах и ранее, в первый же день записалось множество новых членов. Теперь Кайцелиит получают широкую и стройную организацию, распространившись и на уезды. Правительство передало организацию, обучение и снаряжение дружин военному министерству. Таким образом, само население взяло на себя заботы по охране внутреннего порядка в стране.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

№ статьи.	Стран.
Предисловие	—
I Угро-финская семья народов.	
1. Прошлое Европы и Азии	5
2. Заселение Европы угро-финским народом.	6
3. Приход в Европу кочевников скотоводов . .	7
4. Расселение и перемены в жизни угро-финнов.	8
II Время независимости эстов до прихода немцев.	
5. Расселение эстов в Прибалтике и их хозяй- ственная жизнь	9
6. Верования и нравы эстов.	11
7. Порядки общественной жизни и защита страны.	16
8. Первые столкновения эстов с соседями. . .	18
9. История народа в песнях и сказаниях ста- рины (Kalevipoeg).	20
III Борьба эстов с немцами за независимость.	
10. Появление немцев в Прибалтике.	24
11. Миссионерская работа Мейнгарда в стране ливов	25
12. Епископ Альберт и Орден меченосцев. . .	27
13. Начало борьбы эстов с немцами	29
14. Вождь эстов Лембит и битва на р. Пала. .	31
15. Прибытие датчан и соперничество их с нем- цами.	32
16. Последняя борьба эстов за независимость.	34
IV Время немецкого владычества.	
17. Новые хозяева страны и укрепление их власти.	36
18. Епископы, приходские священники и мона- стыри	38
19. Рыцари-меченосцы и соединение их с тев- тонами.	40
20. Новые города и городская жизнь в Ливонии.	42
21. Жизнь эстонского народа под властью нем- цев и датчан (XIII — XVI вв.).	44

22. Большое восстание эстов в 1343 г.	45
23. Положение эстов в XV — XVI вв. Начало и развитие крепостного права	47
24. Введение евангелическо-лютеранского исповедания в крае	49
25. Ливонская война и раздел орденскихъ владений	52

V Время шведских войн и шведского управления.

26. Положение эстонского народа после войны.	55
27. Завоевание Ливонии шведами и шведские реформы.	58
28. Книжное и школьное просвещение среди эстов	60
29. Заботы Карла XI об улучшении хозяйственной жизни крестьян	62
30. Великая Северная война и ее виновники. .	64

VI Время русского подданства.

31. Жизнь в Прибалтийском крае после Северной войны	67
32. Уничтожение крепостного права в Прибалтике	70
33. Волнения среди крестьян-эстов и меры к улучшению их хозяйственного положения .	72
34. Национальное пробуждение эстонского народа.	74
35. Начало борьбы с немецким засильем . . .	77
36. Попытки обрусения края при Александре III.	81
37. Революция 1905 г. и ее последствия в жизни эстов	83

VII Образование самостоятельной Эстии.

38. Мировая война и отложение эстов от России.	86
39. Борьба за свободу и независимость страны.	88
40. Устройство эстонской республики и первые шаги ее самостоятельности.	92

Опечатки, затрудняющие чтение и понимание.

На странице.		Напечатано:	Следует читать:
8	в предисловии 3-я строка сверху:	по истории начальных школ	по истории для начальных школ
9	от начала статьи 2-я строка сверху:	между озерами	между озером
12	от начала страницы 3-я строка сверху:	составляли	составили
15	от конца страницы 11-я строка снизу:	ценятся	ценились
16	в заглавии статьи №:	9	7
18	от начала статьи 1-я строка:	Мемду	Между
22	от начала страницы 19-я строка сверху:	являясь, наконец, являясь, например,	
25	от конца страницы 7-я строка снизу:	крещением	крещенным
35	от начала страницы 17-я строка сверху:	200, русских	200 русских,
36	начало заглавия статьи 17-й:	Военные хозяева	Новые хозяева
36	от начала статьи строка 15-я:	от римского	от рижского
45	в последней строке статьи:	против—хозяев	против хозяев
47	в заглавии статьи №:	25	23
47	в последней строке страницы:	виднеется	выделяется
48	от начала страницы 7-я строка сверху:	А от владельца	А от дома владельца
59	от начала страницы 5-я строка сверху:	в Альтморке	в Альтмарке
75	от начала страницы 7-я строка сверху:	люди образованные,	люди,
67—77	нумерация статей:	30—34	31—35

Цена 125 мрк.

Главный склад издания: А. Пэрк,
Kohtu tän. 3, k. 4.

Отделение склада: Pikk t. 69,
XIX городск. училище.
